

ВИЗАНТИЯ

Дж. Херрин

УДИВИТЕЛЬНАЯ
ЖИЗНЬ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ИМПЕРИИ

Memorialis

Джудит Херрин

**Византия. Удивительная
жизнь средневековой империи**

«Центрполиграф»

2007

УДК 94(495)
ББК 63.3(0)4

Херрин Д.

Византия. Удивительная жизнь средневековой империи /
Д. Херрин — «Центрполиграф», 2007 — (Memorialis)

ISBN 978-5-227-07353-2

Уникальная книга профессора лондонского Королевского колледжа Джудит Херрин посвящена тысячелетней истории Восточной Римской империи – от основания Константинополя до его захвата турками-османами в 1453 году. Авторитетный исследователь предлагает новый взгляд на противостояние Византийской империи и Западного мира, раскол христианской церкви и причины падения империи. Яркими красками автор рисует портреты императоров и императриц, военных узурпаторов и духовных лидеров, талантливых ученых и знаменитых куртизанок. Отдельная глава посвящена евнухам – особой влиятельной касте, вершившей большую политику. Тонкий знаток эпохи, Джудит Херрин воссоздает картины повседневной жизни императорского двора: блеск золота, роскошь одеяний, сложные обряды, изысканные развлечения «рожденных в пурпуре». С особым вниманием автор освещает духовную сторону жизни империи, объясняет причины возвращения от иконоборчества к иконопочитанию и в очередной раз доказывает, что именно Византия – первая христианская империя, принявшая за основу духовный подвиг, – смогла сдержать исламскую экспансию и предотвратить завоевание Европы.

УДК 94(495)
ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-227-07353-2

© Херрин Д., 2007
© Центрполиграф, 2007

Содержание

Введение	7
Часть I	14
Глава 1	14
Глава 2	20
Глава 3	26
Глава 4	33
Глава 5	44
Глава 6	51
Глава 7	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Джудит Херрин Византия. Удивительная жизнь средневековой империи

*Тамаре и Порции, которые тоже спрашивали, что такое
Византия*

Judith Herrin
BYZANTIUM
THE SURPRISING LIFE OF A MEDIEVAL EMPIRE

Text copyright © Judith Herrin 2007

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2017

Введение

Другая история Византии

Однажды вечером – это было в 2002 г. – в дверь моего кабинета в лондонском Королевском колледже постучали двое рабочих. Они занимались ремонтом старых зданий и часто проходили мимо моей двери с табличкой «Профессор византийской истории». В конце концов они решили остановиться и спросить: что такое Византия? По их мнению, это было как-то связано с Турцией. И что особенного в ее истории?

И я попыталась вкратце объяснить двум серьезным строителям в касках и тяжелых ботинках, что такое византийская история. Многие годы преподавательской работы никак не подготовили меня к этому моменту. Ведь требовалось изложить в десятиминутной беседе все, что я изучала и чему учила целую жизнь. Рабочие тепло поблагодарили меня, сказали, что им было чрезвычайно любопытно узнать, что представляет собой эта самая Византия, и спросили: почему я ничего не написала о ней? Не написала книги для них? Я хорошо поняла, что они имеют в виду. О византийской истории написано бесчисленное множество книг – их слишком много, чтобы сосчитать, и большинство из них являются слишком длинными, чтобы их можно было прочитать. Очень часто они описывают череду ушедших императоров, более 125 константинопольских патриархов, многочисленные сражения в предсказуемых категориях политической, военной и религиозной деятельности на протяжении 11 столетий. Лишь небольшое из всего перечисленного способно вызвать интерес строительных рабочих, впрочем, как и представителей любой другой профессии, за исключением разве что узких специалистов – историков. И я стала думать, как ответить на вопрос: что такое Византия? Византийская история?

И сразу столкнулась с трудностями. Я делала слишком много допущений, не могла обойтись без затруднительных для понимания моментов. Но я всегда гордилась тем, что мои лекции по византийской истории вызывают интерес у аудиторий, с ней незнакомых. Занимаясь поисками методики, я отлично знала, что в 1000-летней византийской истории достаточно ярких впечатляющих и трагических эпизодов, чтобы привлечь внимание любителей сенсаций. Однако это сводило написание истории к перечислению драматических случаев, лишая ее глубины, сглаживая богатейший и разносторонний опыт. Византия – это не только богатство, господство на море и имперское могущество. Я хотела, чтобы читатель почувствовал, почему Византию трудно понять, невозможно познать и почему она может представляться непонятной, смутной и, несмотря на огромное количество трудов о ней, малоизвестной. Сложности усугубились тем, что современные средства массовой информации сделали термин «византийский» оскорбительным. Чего, к примеру, стоит фраза «налоговые правила воистину византийской запутанности» в описании переговоров Евросоюза.

Византия вызывает в воображении двойственный образ: с одной стороны – заговоры, убийства, физические увечья, с другой – непомерное богатство, блеск золота и драгоценных камней. Однако в период Средневековья у византийцев не было монополии на запутанность, предательство, лицемерие, туманность и богатства. Они дали миру большое количество умных, способных лидеров, блестящих генералов, предприимчивых теологов, которым завидовали и которых всячески старались опорочить. Вовсе не византийцы изобрели инквизицию – они вообще, как правило, избегали сжигать людей на кострах. Но существует некая тайна, связанная с этим «потерянным» миром. Ее трудно определить словами, возможно, потому, что у Византии нет современного наследника. И она остается скрытой за великолепием средневекового искусства – золотом, мозаиками, шелками и императорскими дворцами.

Чтобы дать свою оценку Византии, в этой книге я постаралась по возможности ясно и интересно выделить самые важные, на мой взгляд, моменты, раскрыть, какие структуры и личности являлись их основой. Таким образом, я стремилась, чтобы вам было интересно до самой последней страницы, чтобы вы почувствовали, что познакомились с новой цивилизацией. Самое главное, чтобы вы поняли: современный западный мир, развившийся из средневековой Европы, не мог бы существовать, не будь он защищен и вдохновлен тем, что происходило на востоке – в Византии. Мусульманский мир тоже является важным элементом этой истории, равно как и отношения любви-ненависти между христианством и исламом.

Каковы ключевые черты этой важной, но малоизвестной истории? Во-первых, Византия – это тысячелетняя цивилизация, которая на протяжении всего Средневековья оказывала влияние на все страны Восточного Средиземноморья, Балканы и Западную Европу. В VI–XV вв. это влияние усиливалось и ослабевало, но было постоянным. Византийская цивилизация впитала языческие, христианские, греческие, римские, древние и средневековые компоненты. Ее культурное и художественное влияние теперь считается непреходящим наследием. Но вдобавок в Византии получили развитие фундаментальные аспекты управления, такие как имперский суд, дипломатическая служба, гражданская бюрократия, церемония коронации. Нельзя не упомянуть и о выраженной роли женщин в политике.

Величие Константинополя, сердца обширной империи, с унаследованной им системой имперского управления и разнообразием источников, ее стимулировавших, давало бесконечную уверенность и правителям, и подданным. Необходимо особо подчеркнуть этот аспект Византии. К началу правления императора Юстиниана (527–565) базовые структуры империи насчитывали уже 200 лет, и они так прочно закрепились, что оказались неизменными. Они создали глубоко укоренившуюся культуру, которая стала порождением древних греков, дохристианских источников, а также римских и христианских идей как идеологических, так и практических (пример – философские дискуссии и военные фортификационные сооружения). Вся система была воспета в имперской риторике и представлена в имперском искусстве, чтобы возвысить ее до вечного постоянства. Какими бы невыразительными ни казались высказанные идеи, они тем не менее подтвердили и еще глубже укоренили уверенность в себе византийских императоров, их приближенных и подданных. На этих идеях базировалась исключительная способность византийцев решать сложные задачи, требующие большого напряжения сил, в VII и XI вв. и, конечно, в 1204 г. И всякий раз она адаптировалась и изменялась, опираясь именно на базовые элементы империи, породив ощущение приверженности традициям.

В этом смысле византийская культура воплощает понятие французского историка Фернана Броделя об исторической долговременности – *longue durée*: о том, что переживает превратности смены правительств, новомодных фасонов и технологических усовершенствований, о постоянном бессрочном наследии, которое может одновременно сковывать и вдохновлять. В то время как Бродель применял эту идею больше к географическим факторам, которые определили историю Средиземноморья, мы можем адаптировать ее, чтобы отличить византийскую культуру от культур ее соседей. Ведь в противоположность другим средневековым обществам – и на западе, и в мусульманском мире, Византии было уже много веков к тому времени, когда Карл Великий и Гарун аль-Рашид в 800-х гг. появились на исторической сцене, и ее культура являлась одновременно и ограничителем, и источником силы. На самом деле, как мы убедимся, она родилась старой, импортировав в свою столицу еще при ее строительстве античную архитектуру и статуи. Концептуальные рамки византийской культуры, которую осуждают, считая консервативной, и хвалят, называя традиционной, дали общее чувство причастности, увековеченное в характерных и изменчивых образах, и все они предназначены исключительно для славы и величия Византии. Так образовалось гибкое

наследие, которое доказало свою способность поддерживать, сохранять и усиливать империю в периоды даже самых тяжелых кризисов.

Имперские черты Византии подчеркивались лингвистической преемственностью, которая связывала ее средневековых ученых с древнегреческой культурой и побуждала их сохранять тексты основных философов, математиков, астрономов, географов, историков и врачей (путем копирования, редактирования и написания комментариев). Византия высоко ценила поэмы Гомера и создала первые критические издания Илиады и Одиссеи. Хотя публичные театральные представления прекратились, пьесы Эсхила, Софокла, Еврипида и Аристофана тщательно изучались и заучивались наизусть поколениями школьников. Они также учили речи Демосфена и диалоги Платона. Таким образом в византийскую культуру был включен сильный элемент стародавней языческой мудрости.

Древнее наследие сочеталось с христианской верой, которая постепенно вытеснила культы языческих богов. Византия поощряла и подпитывала ранние христианские монашеские традиции, возникшие на священных горах, таких как Синай и Афон, где духовные учения продолжали вдохновлять монахов и пилигримов. Она взялась за обращение в христианство болгар, сербов и русских, поэтому на значительной части Балкан до сих пор много ортодоксальных церквей, украшенных средневековыми фресками и иконами. Византия поддерживала контакты с христианскими центрами, перешедшими в VII в. под мусульманский контроль. Она оказывала помощь патриархам Иерусалима, Александрии и Антиохии, и даже более удаленным общинам – церквям Эфиопии и Судана, Персии, Армении и Грузии.

Используя наследие римских технологий и богатый инженерный опыт Римской империи, византийцы продолжали строить акведуки, фортификационные сооружения, мосты и дороги, а также такие грандиозные конструкции, как храм Святой Мудрости – Св. Софии в Константинополе. Она до сих пор демонстрирует массивные стены VI в., увенчанные самым большим куполом из всех, строившихся до собора Св. Петра в Риме, появившегося тысячелетием позже. Константинопольский купол часто ремонтировали, но он сохранился в целости и впоследствии копировался при строительстве церквей меньшего размера по всему миру ортодоксии. Он также вдохновил строителей крытых мечетей, появившихся после прихода арабов из пустынь, где они поклонялись своим богам на открытых площадях. «Купол скалы» в Иерусалиме получил название после мусульманской оккупации этого святого места, почитаемого и христианами, и иудеями. Не только круглая крыша, но и яркие мозаики демонстрируют византийское влияние – в VII в. халиф Абд аль-Малик попросил императора Юстиниана II прислать византийских ремесленников, которые вырезали из цветного камня и стекла тессеры,¹ мерцавшие всякий раз, когда на них падал свет. Возможно, они также выполнили надпись из Корана длиной 240 м, расположив ее в основании купола. В ней сказано, что ислам – завершающее откровение Аллаха (Бога) и превосходит все прочие религии.

От Рима Византия также унаследовала развитую правовую систему и военные традиции. Это помогло ей прожить столь долгую жизнь. Теоретически византийское общество управлялось законом: судей обучали, они получали заработную плату и решали споры. По всей империи люди приходили со своими проблемами в суды и подчинялись их решениям. Хотя знаменитых римских легионов после VII в. уже не было, и вооруженные силы – и пехота, и кавалерия – тренировались по римским военным руководствам. Стратегии для сражений на суше и море, осадные орудия, методы обеспечения снабжения вооруженных сил, их вооружение и доспехи – все это было адаптировано на основе старых практик. Состав «греческого огня» – сернистого вещества, которое горит на воде, – оставался государствен-

¹ Тессера – кубик из цветного мрамора, стекла и пр., из которого составлялись античные мозаики. (Здесь и далее примеч. пер.)

ной тайной, и мы до сих пор не знаем точного соотношения компонентов. Аналогичное оружие создали и арабы, но «греческий огонь» продолжал ужасать людей и в морских сражениях, и в сухопутных осадах.

Византия считала себя центром мира, а Константинополь – заменой Рима. Пусть византийцы говорили по-гречески, но империя все равно была римской, а ее жители – римлянами. Она руководила грекоговорящими сообществами на Сицилии и в южной части Италии, которые возникли из поселений древней греческой эмиграции. Византия защищала и стимулировала рост итальянских приморских городов, таких как Амальфи и Венеция, живших международной торговлей. В свое время эти города самостоятельно догнали и обошли Византию как экономические центры, создали собственный крупный флот. Но византийское влияние на них не подлежит сомнению. Бронзовые двери, созданные в Константинополе, украшают их соборы, в которых нередко присутствуют также мрамор, мозаика и иконы в византийском стиле. Процветание этих городов началось под крылом империи.

Для нас сегодня, вероятно, самой важной представляется историческая роль Византии в защите христианского Запада в раннем Средневековье. До VII в. Византия действительно была Римской империей. Она правила Северной Африкой и Египтом, житницами, которые кормили Рим и Константинополь, Южную Италию, Святую землю, Малую Азию до самой горы Арарат, всю сегодняшнюю Грецию и значительную часть Балкан. Затем аравийские племена, вдохновленные новой религией – исламом, покорили большую часть Восточного Средиземноморья. Они сражались, считая себя преемниками и христианства, и иудаизма. Византия сдержала их экспансию в Малую Азию, не допустила пересечения ими Дарданелл и продвижения на Балканы. Константинополь выдержал многочисленные осады и устоял.

Цель мусульман – захват Константинополя, превращение его в свою столицу, установление господства над всем римским миром – собственно говоря, была вполне законной и логичной. Поскольку главенствующей религией был объявлен ислам, естественно, его силы должны были заменить Рим и прийти на смену политическим структурам Древнего мира. Если следовать честолобивым замыслам, перечисленным в Коране, все Средиземноморье должно было объединиться под мусульманским управлением, как и персидский мир зороастрийских верований. Необычайно быстрой и успешной кампанией 634–644 гг. арабские племена подошли вплотную к осуществлению своих целей. Именно арабы стали причиной первого из поворотных пунктов в византийской истории.

Если бы Византия не остановила в 678 г. их экспансию, мусульманские силы, насыщенные дополнительными ресурсами столицы, в VII в. распространили бы ислам по всем Балканам, Италии и далее на запад, поскольку господствовавшая в это время политическая раздробленность существовавших там стран снижала для них вероятность организованной обороны. Предотвратив это потенциальное завоевание, Византия сделала возможным развитие Европы. Она дала западным христианам, которые были разделены на небольшие группы, время накопить силы. Через 100 лет после смерти пророка Мухаммеда (632 г.) Карл Мартелл в центральной части Франции – при Пуатье разгромил пришедших из Испании мусульман и оттолкнул их обратно за Пиренеи. Зарождающаяся идея о создании государств в Европе оформилась при внуке и тезке Мартелла – Карле Великом. Именно он и его последователи делали для этого все от них зависящее и немало преуспели.

В Средние века многие западные церковные деятели и правители имели представление, хотя и смутное, о существовании на востоке христианской византийской цивилизации. Хотя византийцы управляли значительно меньшей территорией, чем римляне в период расцвета Римской империи, с VII до XV в. Византийское государство развило новые политические и культурные формы. Оно совместило разные черты своего прошлого, чтобы создать новую средневековую цивилизацию, которая привлекла многих нехристианских северных правителей. В свою очередь, болгары, русские и сербы приняли христианскую веру и эле-

менты византийской культуры. Более семи веков Византия оставалась маяком ортодоксальной веры и классической учености.

В период Крестовых походов Византия оказалась в центре усилий христиан, стремившихся отобрать у мусульман Святую землю. После XI в. Византия и Запад познакомились ближе, однако с негативными последствиями. Несмотря на успех Первого крестового похода, в результате которого возникло Латинское королевство Иерусалим, Четвертый крестовый поход повернулся против Константинополя, и в 1204 г. город был разграблен. Это событие стало вторым поворотным пунктом в византийской истории: империя так никогда и не сумела восстановить свою былую силу. Византийские императоры хотя и вернули собственную столицу, но правили тем, что, по сути, в 1261–1453 гг. являлось городом-государством, а в 1453 г. Константинополь был захвачен оттоманскими турками.

Любопытно, но факт: византийское культурное влияние распространялось обратно пропорционально политической силе. После 1204 г., когда многочисленные произведения искусства были вывезены из Константинополя обратно в Западную Европу, византийский вклад в возрождение западной науки и искусства стал весьма заметным. В XIV в. византийские преподаватели греческого языка назначались в итальянские университеты. Они и их ученики начали переводить труды Платона. Работы Аристотеля уже достигли Запада при посредстве мусульманского мира, но основные философские труды Платона оставались неизвестными. Во время переговоров во Флоренции, которые в 1439 г. привели к воссоединению восточной и западной церкви, публичные лекции о Платоне, которые читал известный греческий ученый и философ Георгий Гемист Плифон, подвигли Козимо Медичи на создание Платоновской академии. Таким образом, Византия начала вносить свой вклад в итальянское Возрождение значительно раньше, чем 1453 г., когда турки сделали Константинополь своей столицей. После падения города беженцы, перебравшиеся в Италию со своими манускриптами, укрепили новую науку и искусство. А несколькими десятилетиями позже, когда протестантские реформаторы осудили религиозное искусство и начали настаивать на появлении более духовного стиля христианского почитания, они использовали все библейские и святоотеческие тексты, собранные византийскими иконоборцами VIII и IX вв.

В этой книге я стремилась показать, что такое Византия, что она отстаивала, к чему стремилась, что символизировала. Этот сугубо личный взгляд сформировался на основе моих более ранних исследований проблем религии в ранней средневековой истории, важных для *образования христианского мира*. Вопросы веры считались жизненно необходимыми для людей эпохи Средневековья, их значение было намного важнее, чем принято сегодня. И это следует учитывать при исследовании средневекового искусства. В дополнение к идеям, которые объединяли или разделяли христиан, их религиозный мир был наполнен и другими верованиями, которых придерживались необращенные политеисты, приверженцы восточных культов, последователи Заратустры (Заратуштры) и Мани, иудеи. Ислам оказал большое влияние в этом мире на всех, кто жил на восточном и южном берегах Средиземного моря, в Сирии, Испании и во всех регионах между ними. В VIII в. имевшее место в Византии первое официальное уничтожение икон – иконоборчество – подвигло простых людей на смерть ради своих религиозных образов. В то время как ислам ввел строгий запрет на священные изображения, Рим обнаружил преданность иконам, а теологи Карла Великого начали колебаться. Таким образом, VIII–IX вв. стали критическими для развития трех отдельных, но связанных регионов: византийского востока, исламского юга (Египет, Северная Африка, Испания) и латинского запада, впоследствии ставшего Европой. В разных формах это разделение существовало до нашего времени.

В этот период истории достойно внимания такое явление, как увлеченность женщин Византии иконами, что могло быть связано с исключением женщин из официальной цер-

ковной иерархии. Также нельзя не упомянуть и о мотивах двух женщин-правительниц, о которых я писала в «Женщинах в пурпуре», восстановивших поклонение иконам в 787 и 843 гг. Когда императрицы Ирина и Феодора изменили политику иконоборчества, введенную и всячески поддержанную их мужьями и другими родственниками мужского пола, мне представляется, что они действовали со всей безжалостностью и коварством мужчин. Но, проявив эту инициативу, они также приобрели политическое признание и известность, не имевшие себе равных в других средневековых обществах. Так что, хотя хронисты того времени и предполагали, что почитание икон является проявлением их женской слабости, это вовсе не так. Здесь я прослеживаю связь с византийской традицией женского правления, «имперской женщиной».

Раскопки – хороший способ познать Византию. В Греции, на Кипре и в Константинополе на месте церкви Богородицы Кириотиссы я работала с предметами материальной культуры, являющейся основой византийской цивилизации. Когда исследуешь церкви Крита и Китиры, острова у южного берега материковой Греции, и фиксируешь находки гончарных изделий в средневековом замке в Куклии, что на юго-западе Кипра, поневоле становишься ближе к средневековым обитателям этих мест. Во время моего первого археологического сезона в Пафосе – тоже на Кипре – мы нашли остатки женского скелета в руинах замка «Саранда Колоннес» («Сорока колонн»). На нем были золотые и жемчужные кольца. Скорее всего, эта женщина погибла во время землетрясения 1222 г. В Стамбуле рабочие, ремонтировавшие зимнюю протечку у мечети Календер, обнаружили пустоту за стеной, ближайшей к монументальному акведуку, который все еще возвышается над старой его частью. Один из этих реставраторов ошупал, что находится за краем панели, и идентифицировал тессеры того, что на поверку оказалось ранней христианской мозаикой Святой Девы, которая показывает младенца Христа Симеону. Возможно, ее закрыли стеной, чтобы защитить от уничтожения иконоборцами. В точности так же целая часовня с фрагментарными фресками, посвященная св. Франциску Ассизскому, была в 1261 г. заложена кирпичами, когда монахи бежали из Константинополя после латинской оккупации. Эти произведения христианского искусства, восточного и западного, впоследствии были восстановлены Эрнстом Хокинсом и теперь выставляются в Археологическом музее Стамбула.

Мое понимание Византии также формировалось благодаря многочисленным свидетельствам ее средневекового величия. Еще подростком я побывала в Равенне – в Северной Италии – и была потрясена мозаичными портретами византийского императора Юстиниана и его супруги императрицы Феодоры, звездами на небесной тверди гробницы Галлы Плацидии, а также процессиями святых и отарами овец, которые украшают городские церкви. В 2005 г. – спустя более чем четыре десятилетия – мне разрешили подняться на крышу церкви монастыря Св. Екатерины (Синайский полуостров). Церковь была построена той же венчественной четой, несмотря на 2000 миль, разделяющие Северную Адриатику и Красное море. Считается, что там растет Неопалимая Купина. Именно там, где Моисею было приказано снять сандалии, потому что он ступал по священной земле, я прочитала надпись о патронаже Юстиниана и Феодоры, вырезанную на балках VI в., которые прекрасно сохранились в сухом климате египетской пустыни, где нет термитов. Подобный опыт подтверждал то, о чем писали византийские историки относительно императора и его супруги.

В Риме и Сицилии, Москве и конечно же в Константинополе, равно как и по всей Турции, видны следы византийского влияния. Но ничто не сравнится с изумлением от находки византийских мозаик в михрабе² Мескиты – кордовской Соборной мечети, которая была

² Михраб – священная стрельчатая плоская арка в мусульманских культовых сооружениях или ниша в стене киблы, обращенная в сторону Мекки.

построена до начала X в. халифом аль-Хакамом II. И с благоговейным восторгом, который поневоле испытываешь, когда после долгого путешествия через Понтийские Альпы прибываешь поздно вечером в Трабзон (Трапезунд) и видишь дворец, горделиво возвышающийся над городом.

Упомяну о схождении Благодатного Огня на Гроб Господень в Иерусалиме в Пасхальное воскресенье. В этот день в темноте митрополит выходит из гробницы с зажженной свечой в ознаменование воскрешения Христа – от нее все верующие зажигают свои свечи. Даже в современных Афинах в Пасхальное воскресенье толпы народа со свечами поднимаются на гору Ликавит (Ликабет),³ что является мощным напоминанием о силе церемоний, отмечающих это событие уже два тысячелетия.

По причинам, которые станут ясными из этой книги, византийские предметы разбросаны по всей Европе и их можно встретить в музейных экспозициях в самых неожиданных местах. Увидеть византийский шелк, названный «Плащ Александра», в Баварии, или брачный контракт Феофано и Оттона (Отто) II в Вольфенбюттеле, или пластины из слоновой кости, теперь используемые как книжные обложки, – значит проникнуться искренним восхищением к мастерам, их изготовившим, и культуре, к которой они принадлежат. На Западе их бережно сохраняли веками, хотя западные ученые и священнослужители также ответственны за поддержание недостоверных стереотипов того, что означает «византийский».

Византия становилась мне ближе и понятнее всякий раз, когда я готовила очередной курс лекций по ее истории. И мне хочется выразить особенную благодарность тем студентам, которые спорили со мной. После моего назначения в 1990 г. в Принстон я получила неожиданный бонус, столкнувшись с группой блестящих выпускников, привлеченных не имеющим себе равных историческим факультетом. Оказавшись в окружении студентов-интеллектуалов и активных коллег, я решила испробовать новые пути передачи окружающим моей страсти к Византии. Одна из коллег, Кристин Стенселл, позже навестила меня в Лондоне и с надеждой и симпатией поинтересовалась, не пора ли «собирать урожай». Так что эта книга своим появлением отчасти обязана и ей.

Вернусь к вопросу формы. В шекспировском Лондоне были одинаково знакомы и византин – золотая монета, названная в честь Византии, и икра, которой отдавали предпочтение ее жители. Такое косвенное наследие Византии можно обнаружить в самых неожиданных уголках мира. И в этой книге я объясню почему. Я решила не следовать установившимся традициям предыдущих исследований, а выбрать отдельные события, памятники, особые черты Византии и рассмотреть их в рамках основных этапов византийской истории. Первые семь глав посвящены основополагающим вопросам, таким как город Константинополь, закон и ортодоксия, которые рассматриваются на протяжении тысячелетней византийской истории. Другие главы могут частично совпадать, если они рассматривают те же события с других точек зрения. Моей главной проблемой оказалось исключение. В условиях ошеломляющего богатства интереснейших примеров и интригующих деталей трудно решить, какие из них не включать в книгу. Я смогла дать только подборку *meze*, нечто вроде закуски перед основным блюдом. Список рекомендованной литературы в конце книги предназначен для тех, кто захочет получить более полную информацию. Могу заверить, что я честно пыталась ответить на вопрос, заданный мне строителями в Королевском колледже: почему мы все должны знать больше о византийской истории?

³ На горе Ликавит находится византийский храм Св. Георгия, возведенный в XI–XII вв.

Часть I

Основы Византии

Глава 1

Город Константина

Константин решил сделать город домом, подходящим для императора... Он окружил его стеной... перерезавшей весь перешеек от моря до моря. Он построил дворец, вряд ли уступающий римскому. Он роскошно украсил ипподром, включив в него храм Диоскура.

Зосим. Новая история

Византий – Константинополь – Стамбул – необычное место. Как Нью-Йорк, Сидней и Гонконг, это крупный город с глубоководной гаванью, которая приводит море в самое его сердце. Близость воды, игра солнечных лучей на волнах и сверкающая голубая гладь, простирающаяся до самого горизонта, создают особенный свет. Когда Константин в начале IV в. искал место для новой столицы Римской империи, он хотел, чтобы оттуда можно было контролировать сухопутные и морские пути между Азией и Европой. Подходящее место с безопасной гаванью он обнаружил на берегу бухты Золотой Рог, которую можно было перегородить цепями, чтобы не допустить проникновения в нее вражеских кораблей. Также обеспечивалась защита от опасных течений в Босфоре. Считалось, что маяк, известный под названием «Девичья башня», стоял на том месте, куда Леандр плыл к своей возлюбленной Геро (здесь создатели мифа спутали Босфор и Дарданеллы). Теперь рядом с ним стоят русские танкеры. Но до недавнего времени на берегу можно было нанять лодку, чтобы переплыть пролив, полюбовавшись чудесной панорамой Константинополя. И хотя сейчас есть два моста, соединяющие Азию и Европу, а население современного Стамбула составляет 12 млн человек, пассажирские паромы продолжают курсировать через Босфор, а на них путешественникам предлагают стаканчик черного чая и симиты – колечки из печеного теста с кунжутом. В ясный погожий день удивительно приятно посидеть на палубе и насладиться восхитительными видами Константинополя.

Константин родился в центральной части Балкан – в Нише. Он был сыном императора Констанция Хлора, одним из четырех правителей тетрархии Диоклетиана (284–305), созданной, чтобы обеспечить остро необходимый элемент стабильности в обширном римском мире. Тетрархия, по сути, разделила империю на две половины, управлявшиеся двумя императорами совместно, с помощью двух младших коллег, которые должны были получить полную власть после их смерти. Система «пробуксовывала» из-за амбиций сыновей императоров, не получивших никакой роли. Константин ясно показал существование этой проблемы после смерти своего отца в Йорке в 306 г., когда его войско провозгласило его императором. Однако он не был признан Галерием, старшим императором Востока, и спустя несколько лет появилось три разных военных лидера, претендовавшие на императорский титул на Западе. Перебравшись на юг из Англии, Константин сражался и одержал победу над другими, а в 312 г. выступил против Максенция у Мульвийского моста – неподалеку от Рима. После этой решающей победы Константин с триумфом вошел в Вечный город, где его шумно приветствовал сенат. Однако он отказался поблагодарить богов за свой успех у алтаря победы, как это было принято. Позднее Константин говорил, что видел Крест в небесах и понял, что это знак Бога христиан, обещавшего ему победу. Он стал императором Запада

благодаря военным завоеваниям и теперь должен был вступить в переговоры с Лицинием, императором Востока.

Два правителя встретились в Милане в 313 г. и укрепили свое совместное правление брачными союзами, объединившими империю. Они также решили издать эдикт терпимости. Согласно Миланскому эдикту, все религии, включая христианство, могли исповедоваться свободно, пока поклонники всех богов будут молиться о благополучии империи и императоров. Какими бы ни были личные верования Константина, в 313 г. он сделал шаг к определению официальной религии империи, отдавая при этом явное предпочтение христианству. Вражда между двумя правителями разрешилась лишь спустя одиннадцать лет, когда Константин разбил войско Лициния у городка Хрисополь, что на азиатской стороне Босфора. Он захватил соперника в плен, выслал в Фессалоники, где тот был предательски убит. Таким путем в 324 г. Константин стал правителем не только обширной, богатой и населенной Восточной империи, но и Западной. Он разъезжал по всему римскому миру и везде сражался – еще тринадцать лет, до своей смерти в 337 г.

После победы над Лицинием Константин решил, что империи нужна столица на востоке, поближе к самому серьезному противнику – Персии, постоянно угрожавшей вторжением. Рассматривался вариант древнего города Трои. Вместо этого Константин выбрал колонию, созданную греками из Мегары, якобы в VII в. до н. э., на европейском берегу Босфора. Так возник Византий (Византион), который быстро начал процветать, контролируя судоходство через коварные воды, связывающие Черное море с Мраморным, которое, в свою очередь, соединяется с Эгейским морем проливом Дарданеллы.

Византий был построен на возвышенности и имел хорошо защищенную гавань – Золотой Рог. Поскольку море омывало город с трех сторон – с севера (Золотой Рог), востока (Босфор) и юга (Мраморное море), – фортификационные сооружения следовало построить только на западе. Кроме того, Византий контролировал морские торговые пути, по которым перевозился янтарь, меха, металлы и лес с севера; масло, зерно, папирус и лен со Средиземного моря, специи с Дальнего Востока, а также сухопутные торговые пути между Западом и Азией. В конце II в. император Септимий Север укрепил городские стены, которые всегда считались слабым звеном при обороне столицы, и добавил новые памятники.

Константин трансформировал Византий в новую столицу, которой дал свое имя. В точности так же Адриан основал Адрианополь, а Александр Великий – Александрию. В числе традиционных церемоний, выполненных в 324 г., была пропахана линия, чтобы обозначить место возведения новых стен, которые в четыре раза увеличивали протяженность города и максимизировали потенциальные возможности территории, огораживая участок размером примерно 8 кв. км. По крайней мере, так пишет Зосим. Предусматривались ворота в западной стене, вдоль Мраморного моря и Золотого Рога. После шести лет интенсивного строительства, 11 мая 330 г., было официально объявлено о появлении города Константина – Константинополя. Торжественная церемония напомнила о древних городских праздниках. На ипподроме устраивались бега и гонки колесниц – любимый спорт римлян. Открылись для общего пользования новые бани Зевксиппа. Жителям раздавали продукты, одежду и деньги. Постоянные жители новой столицы стали называть себя византийцами – чтобы подчеркнуть свою связь с древним Византием – Византионом и отличить себя от гостей города.

Город Константина «втянул» в свой центр великие торговые пути, морские и сухопутные, которые встречались на глубоководном канале, отделяющем Европу от Азии. В отличие от греческой колонии Хрисополь на азиатской стороне Босфора он защищался самим ландшафтом скалистого полуострова. Одно большое преимущество почти полного окружения водой заключалось в том, что западная стена, протянувшаяся через полуостров, огораживала большой участок земли относительно короткой линией фортификационных сооружений. Кроме того, в таком положении защитников города было труднее застать врасплох вне-

запной атакой. Регулярное снабжение водой было обеспечено с помощью длинной системы акведуков и резервуаров для сбора дождевой воды. Учитывая легкий доступ к плодородным землям внутренних районов и изобилие рыбы, Константинополь стал естественной крепостью, практически неприступной.

Но даже при таком количестве природных преимуществ, решающим элементом в обороне города всегда были его жители, созданные ими институты, культура и организация. С самого начала Константинополь называли Новым Римом. Копируя старый Рим, он насчитывал 14 районов и семь холмов, соединенных широкими проспектами, ведущими от центра к воротам в западной стене. Площади украшали древние скульптуры, вывезенные из всех частей империи. На акрополе, выходящем на Босфор, было два храма, посвященные Рее, матери богов, и римской богине Фортуне. На центральной площади Константина стояла впечатляющая порфировая колонна, построенная из барабанов пурпурного камня, привезенного из Египта. На верхушке находилась статуя Аполлона, которую приспособили для изображения императора. Произведения искусства украшали портики вокруг этой круглой площади с триумфальными арками на востоке и западе, отмечавшими вход на *Mese* (главную магистраль).

Константин привез скульптуры из самых разных частей империи, чтобы украсить новую столицу, включая Змеиную колонну, поставленную после греческой победы при Платеях в 479 г. до н. э., из Дельф, и египетский обелиск, установленный в честь более ранней победы, из Карнака. Ипподром стал музеем под открытым небом, украшенным защищающими, символическими и победными греко-римскими образами. Статуи языческих богов (Зевса, Геракла), диких и фантастических животных, правителей, включая Александра Великого, Юлия Цезаря и Августа, а также самого Рима в образе волчицы с Ромулом и Ремом соперничали с многочисленными военными трофеями. Четыре древних бронзовых коня были установлены над стартовыми воротами при входе, чтобы вдохновить участников соревнований и зрителей, пришедших насладиться древним искусством – скачками. Районы соединялись широкими магистралями, причем по краям каждого находились колоннады, в которых устраивались магазины. Там же можно было посмотреть и приобрести продукцию местных ремесленников. В общем, новую столицу создали, чтобы производить впечатление.

В своем городе Константин чеканил солиды (греческое название – *номизма*), которые он представил на Западе в 309 г. Это был новый тип 24-каратной золотой монеты, ставший самой надежной валютой поздней Античности и византийского мира. До начала XI в. все императоры чеканили монеты сравнимой чистоты и качества, поддерживая стабильный стандарт в течение 700 лет, – удивительное достижение. Поскольку на имперских монетах были часто представлены образы Рима и Победы, Константин решил ничего не менять и использовал образ Тихеи на монетах Константинополя. Она изображалась женщиной, сидящей на троне с зубчатой короной – символом городских стен – на голове и рогом изобилия – символом богатства города – в руках (аллегория мужской власти в образе женщины, разъясненная Мариной Уорнер). Имперские монеты, отчеканенные в Константинополе, ввели символ новой столицы в широкое обращение. Со временем крест стал более значительным и вытеснил древние символы, однако изображение Христа не использовалось до самого конца VII в. После VII в. номизма стала единственной доступной золотой монетой и высоко ценилась, особенно в регионах, где чеканили серебро. Византийские золотые монеты находили при раскопках в Скандинавии, Западной Европе, России, Персии и на Цейлоне.

Основав Новый Рим, Константин принес многие черты старого Рима, что на Тибре, на Босфор. Он даровал землю и привилегии сенаторским семействам, которые соглашались перебраться на восток и создать новый сенат – константинопольский. Право на снабжение бесплатным хлебом связывалось с сооружением новых зданий. Те, кто строили жилье в Новом Риме, получали хлебные знаки, позволявшие им каждый день получать свежий хлеб в

установленных точках, имевшихся в каждом из 14 городских районов. Были построены зерновые силосы и резервуары для воды, обеспечивавшие снабжение населения. В 359 г. назначили префекта, ответственного за город. Там постепенно сконцентрировалась вся городская администрация. Копируя римскую модель – «хлеба и зрелищ» (см. гл. 3), – Константин завершил строительство ипподрома и назначил профессиональных «работников индустрии развлечений» для организации скачек и представлений, столь любимых в древности.

Начиная с 330 г. вплоть до своей смерти в 337 г. Константин продолжал вести военные кампании против враждебных сил на востоке. Он постоянно переезжал из одного дворца в другой, а не жил в Константинополе постоянно. После своей начальной победы в Риме он лишь однажды вернулся в древнюю столицу, чтобы отпраздновать десятилетие своего восхождения на престол (315 г.). Тогда была освящена Новая базилика и арка Константина, которая до сих пор украшает площадь. Новая столица росла за счет старого Рима и других городов, ранее использовавшихся как императорские резиденции: Трир и Никомедия, которым отдавал предпочтение Диоклетиан, Сирмий на Дунае и Антиохия на границе современной Турции и Сирии. Хотя многие сенаторские семейства остались на западе, Константинополь привлек к себе ремесленников, архитекторов, купцов и путешественников. Новый двор нуждался в образованных людях, чтобы восхвалять новых христианских императоров и осуществлять управленческие функции. В условиях отсутствия традиционной касты известных, имевших прочную репутацию семейств – как в Риме – Константинополь был больше открыт талантам, и потому новые люди, доказавшие свою успешность, быстро продвигались по карьерной лестнице. Такая социальная мобильность означала, что в городе имелось менее выраженное разделение между аристократами и плебеями, хотя над выскочками все же посмеивались, а рабов били.

Природа и степень приверженности Константина христианству является вопросом спорным: его биограф Евсевий (епископ Кесарии, 313 – ок. 340) подчеркивал этот факт. Светские историки пишут, что он разделял приверженность своего отца Непокоренному Солнцу⁴ – Sol Invictus. В конце V в. Зосим обвинил Константина во всех бедах Римской империи. Он заявил, что Константин отказался от религии своих предков (от поклонения языческим богам), потому что «некий египтянин заверил его, что христианская религия может избавить его от вины...». Историк также сообщил, почему император чувствовал себя виноватым: Константин убил своего сына Криспа по подозрению в предосудительных отношениях со своей мачехой – императрицей Фаустой. Позднее Константин закрыл ее в перегретой бане и держал там, пока она не умерла. Император действительно был крещен, но только на смертном одре. Это не считалось чем-то необычным, поскольку христиане хотели избежать греховных дел после крещения, поэтому церемонию нередко откладывали до последнего момента.

Разные версии истории о том, что Константину якобы было видение Креста перед сражением у Мульвийского моста, предполагают, что это миф, хотя более поздние христианские авторы утверждают, что именно в этот момент произошло обращение. Однако в Риме зимой 312/13 г. Константин велел губернатору Карфагена вернуть христианское имущество, конфискованное во время недавних гонений, местному епископу и выделить ему компенсацию, если предметы уже были проданы или переплавлены. Это действие подразумевает определенный отход от прежнего имперского взгляда на христианство, а также отсутствие должного почтения перед древними богами и императорами.

Если Константин поддерживал христианских лидеров и финансировал строительство христианских церквей, его сыновья также разрешили строительство храма в Италии, посвященного культу императорской семьи, где священнослужители совершали жертвоприно-

⁴ Sol Invictus – официальный римский бог солнца созданного императором Аврелианом в 274 г. солнечного культа.

шения в старом языческом стиле. В то же время некоторые храмы были вынуждены отказаться от статуй, и все ценные металлы были убраны с дверей и крыш. Жертвенный элемент языческого культа со временем ограничили; убийство животных сменилось бескровным жертвоприношением христианскому Богу. Поскольку многие языческие философы также подчеркивали необходимость духовного понимания «жертвоприношения», это не может считаться исключительно христианской сдержанностью. Как бы то ни было, приношения в жертву животных – центральный акт языческого культа – постепенно прекратились. Короче говоря, был ли Константин обращен в христианство видением Креста в 312 г., или это произошло только на смертном одре – в 337 г., он большую часть своей сознательной жизни являлся покровителем христианства, поддерживал ранее преследуемые общины. Он надеялся на новые церкви литургическими предметами (из ценных металлов и драгоценных камней), а также всячески старался им помогать.

Точно не известно, как много новых религиозных сооружений в Константинополе было построено Константином. Вероятно, это церковь Св. Апостолов, к которой присоединялся императорский мавзолей, храм Св. Ирины и церкви, посвященные культам двух местных мучеников – Мокия и Акакия. За пределами столицы Константин уделял особое внимание территориям, связанным с жизнью Христа на земле. В 326 г. он даже отправил свою мать Елену на Святую землю. В ходе своего первого паломничества она нашла церкви в Вифлееме – в месте рождения Христа и в Иерусалиме – над гробницей у Голгофы, где она, как утверждают, обнаружила еще и Истинный Крест. Она также развозила деньги войскам – не исключено, что именно это было первичной целью ее поездки. Путешествие Елены стало моделью для следующего паломничества, которое было облегчено строительством приютов и госпиталей. В 335 г. сам Константин последовал по ее стопам. Он посвятил еще один храм Спасителю и посетил Иерусалимский собор, прежде чем отметил тридцатилетие своего правления.

Хотя, согласно римским традициям, императоров кремировали, Константин был похоронен по христианским обычаям в мавзолее, построенном для мощей 12 апостолов. Император желал покоиться среди избранных учеников Христа. Евсевий описывал его равным апостолам и считал его 13-м апостолом, хотя сам император, судя по всему, мнил себя выше их. Сын императора – Константин II – завершил строительство церкви Св. Апостолов и в 356–357 гг. перенес туда то, что считалось останками святых Тимофея, Луки и Андрея. Следующие правители добавили к впечатляющей коллекции реликвий новые: покров и пояс Пресвятой Богородицы, сохраняемые во Влахернском храме, стали особенно важными. Императоры ежегодно поклонялись этим реликвиям и посещали мавзолей, где окуривали ладаном гробницы, зажигали свечи и молились рядом со своими предшественниками. Церемонии, подобные этой, укрепляли идею неразрывной линии христианских правителей, основанной Константином.

Согласно системе имен, преобладавшей в Византии и существенно запутавшей ее историю, многочисленные более поздние императоры также носили имя Константин. Всего их было 11. Обычно первый рожденный в браке отпрыск мужского пола получал имя деда по отцовской линии, что объясняет некоторые из имен Константин. Других провозглашали «Новыми Константинами», чтобы подчеркнуть их равенство с основателем Византии, или добавляли Константин к личному имени, как, например, Ираклий Константин в начале VII в. Помимо 11 Константинов есть еще 8 императоров Михаилов, 8 Иоаннов и 6 Львов. Они перечислены в конце настоящей книги, чтобы была возможность различить их по датам и достижениям. Но никто из них так и не занял такого положения и не приобрел такого влияния, как первый Константин – Константин Великий.

Со временем культы великого императора и его благочестивой матери превратились в модель христианского правления. Легендарные повествования об их набожности затмили

участие Константина в убийстве собственного сына и второй жены, а также неясное происхождение его матери. Ключевой момент имел место в 451 г. на Халкидонском соборе, когда Маркиан и Пульхерия, правящий император и императрица, были объявлены «новым Константином и новой Еленой».⁵ Маркиана также сравнили с Павлом и Давидом. Было сказано, что Пульхерия выказала веру и религиозный пыл Елены. Придворные и чиновники, устраивавшие эти действия, несомненно, понимали важность такого возвышения их хозяев. Одновременно они вносили вклад в преобразование основателя Константинополя и его матери в христианских святых, коими они представляются в более поздних средневековых повествованиях и на фресках, где их часто изображают стоящими по обе стороны Животворящего Креста.

⁵ *The Acts of the Council of Chalcedon*, tr. with introduction and notes by Richard Price and Michael Gaddis, 3 vols (Liverpool, 2005). Vol. 2. P. 240.

Глава 2

Константинополь – крупнейший город христианского мира

*О имперский город, город укрепленный, город великого царя...
Царь царей городов, песнь песней, величайший из великих.
Никита Хониат, историк начала XIII в.*

В истории Константинополя большой кризис случился через 50 лет после смерти Константина Великого, когда готы 9 августа 378 г. разгромили римлян в сражении при Адрианополе. Император Валент II (364–378) выступил с большим войском, чтобы отбить натиск варваров, не дожидаясь западного подкрепления. Он был убит в сражении. Вместе с ним на поле боя пали самые опытные восточные командиры. В результате политический класс оказался обезглавленным. Только двум генералам удалось спастись – они и доложили о катастрофе молодому императору Востока Грациану (367–383). А готы в это время грабили территорию империи, постепенно подбираясь к стенам Константинополя.

В ответ на это империя активно использовала всевозможные дипломатические уловки, а византийцы затворились в своем городе за укрепленными стенами. Грациан, единственный оставшийся император, послал просьбу о помощи к Феодосию, который отказался от продолжения военной службы и удалился в свое поместье в Испании. Первоначально переговоры касались его назначения командующим вооруженными силами Востока, но, поскольку у Валента II не было преемника, а разделенная империя нуждалась в совместной деятельности двух императоров, Феодосий, вероятно, по достоинству оценил открывшиеся перед ним перспективы. Он согласился возглавить армию на Балканах, и позднее войска провозгласили его императором. После ряда кампаний против готов Феодосий заключил мир с захватчиками и в ноябре 380 г. с триумфом вошел в Константинополь, которого никогда не видел раньше. После двухлетнего междуцарствия Новый Рим получил нового правителя.

Феодосий I (379–395) был строгим христианином. В 381 г. он созвал собор, чтобы осудить арианское вероучение, и издал закон, запрещающий публичное отправление языческих обрядов. Но он оставил и более традиционный след в Константинополе – соорудил новую площадь со своей статуей, установленной на массивной колонне, и монументальным флюгером, который одновременно служил часами – на манер башни ветров в Афинах. В центре ипподрома, вокруг которого ездили колесницы, Феодосий установил египетский обелиск из Карнака, увековечивавший египетскую победу 1440 г. до н. э. с использованием символов старой, давно забытой религии и древнего языка Восточного Средиземноморья. Он стал еще одним знаком римского военного триумфа. На основании, поддерживающем обелиск, Феодосий изобразил себя присутствующим на бегах. Рядом с ним его двор, танцовщицы, музыканты и ряды варваров, приносящих дань. На северной грани резьба показывает технику, использованную для манипуляций с таким тяжелым монолитом; есть надписи на греческом и латинском языках. Хотя из-за землетрясений постройки в Константинополе нередко рушились, а статуи падали с колонн, обелиск оставался там, куда его установили инженеры в 390 г.

При новой династии, основанной Феодосием, римский мир изменился. До своей смерти в 395 г. император разделил империю между двумя своими сыновьями. Гонорий стал императором Запада, а Аркадий – Востока. В начале V в. Западная империя уступила натиску со стороны неримских сил – готов, гуннов, вандалов и франков, которые постепенно установили свое варварское правление в разных регионах. Рим дважды грабили – в 410 и 455 гг., а в 476 г. германские войска под командованием Одоакра свергли последнего римского импера-

тора на Западе. Новый Рим расширялся и процветал за счет старого Рима. На самом деле от некоторых отрядов варваров восточные императоры откупались и побуждали их двигаться на запад, оставив восток в покое. Процесс был длительным, и в конце концов восточная часть римского мира стала тем, что мы сегодня называем Византией (см. гл. 3).

Константинополь рос так быстро, что в 412 г. в полутора километрах к западу от первоначальных оборонительных сооружений Константина началось строительство новых стен. Годом позже массивная тройная линия фортификационных сооружений была построена. Ее длина составляла 6 км, внутренняя стена имела высоту 11 м, каждые 70–75 м стояли башни, внешняя стена была немного ниже и тоже с башнями, а рядом с третьей внешней стеной выкопали глубокий ров. С морской стороны тоже были построены стены вдоль естественных барьеров – бухты Золотой Рог и Мраморного моря. Эти сооружения, защищавшие город от всех врагов до 1204 г., и сегодня производят сильное впечатление. Огороженная стенами городская территория увеличивалась примерно на 5 кв. м. Она включала старые городские кладбища, о которых строители рассказывали страшные истории: в процессе строительства им приходилось тревожить могилы, ломать надгробия, находить человеческие кости. В этом регионе в основном велось садоводство и огородничество, было много виноградников, плодовых деревьев и кустарников. Также население выращивало здесь овощные культуры, причем не только внутри города, но и за пределами стен. При императоре Анастасии (491–518) были построены Длинные стены – между Селимбрией (Селибрией, Силиври) на Мраморном море и Черным морем (45 км), ставшие внешним кольцом константинопольских укреплений. Хотя сегодняшние историки имеют обыкновение трактовать это сооружение как знак неудачи: ведь если враг подошел к Долгим стенам, значит, он находится всего в 65 км от столицы.

Все императоры стремились добавить новые памятники – такие, как памятные колонны, улучшить рынки и гавани, построить новые церкви, монастыри и пристройки к императорским дворцам. Имя Валента связано с сооружением главного акведука, по которому поступала вода из Визе, что во Фракии. Расстояние до этого города по прямой составляло 120 км. Это массивное инженерное сооружение, обеспечивавшее снабжение города водой, до сих пор возвышается над Старым городом. А сложная подземная дренажная система выводила из него сточные воды. Вода использовалась для общественных и личных бань и фонтанов и хранилась в больших резервуарах с водонепроницаемыми стенками и дном. Один из крупнейших открытых резервуаров для сбора дождевой воды был построен в 421 г. в добавленном к Константинополю районе, вероятнее всего префектом Аэцием. Емкость резервуара составляла 250–300 куб. м. Некоторые резервуары были установлены на античных блоках, как, например, колоссальная голова Медузы. Туда вмещалось более 78 тыс. куб. м. Посещение этого похожего на пещеру памятника и светозвуковое шоу в нем – любимое развлечение туристов в современном Стамбуле. Во время этого шоу туристы также получают представление о способности города выдерживать осаду.

Имея отличные фортификационные сооружения, а также возможности накапливать и хранить воду и зерно, Константинополь выдержал многочисленные нападения, самым крупным из которых может считаться совместная атака аваров, славян и персов в 626 г., а также несколько продолжительных осад. Нападение 626 г. было коротким, но очень серьезным, потому что императора Ираклия (610–641) не было в городе. Он вел длительную кампанию против персов на востоке, оставив Константинополь на патриарха Сергия и генерала Бонуса. Авары и славяне блокировали столицу с суши и отрезали снабжение ее водой, уничтожив акведук, а персидские силы прибыли на азиатское побережье Босфора. Бонус велел военноморским силам не дать славянам переправить персов через Босфор, вступил в переговоры с аварским каганом и начал устраивать вылазки против осадивших город войск. Тем временем патриарх собрал местное население на грандиозную религиозную процессию. Люди шли

вокруг городских стен, несли христианские иконы и пели акафист, призывающий на помощь Богоматерь. Авары построили осадные машины и напали на город. Очевидцы утверждают, что видели женщину, которая возглавляла оборону, и этой женщиной была сама Пресвятая Дева. Вероятно, люди считали, что Константинополь не мог устоять против столь грозных противников без участия сверхъестественных сил. Константинополь даже стали называть Теотокуполь – Город Богоматери, которая его защитила.

После 626 г. Константинополь атаковали арабы, желавшие сделать его своей столицей. Несколько осад в VII в. оказались неудачными. При Анастасии II (713–715) византийцы узнали, что начинается масштабная атака: император приказал, чтобы все семьи, которые не могут запастись продуктами питания на три года, покинули город – верный признак подготовки к длительной осаде. Перед подходом арабов (которые прибыли двумя армиями по суше и по морю) весной 717 г. императором стал Лев III. Он использовал такую же комбинацию дипломатических и военных стратегий, чтобы побудить хазар напасть на арабов с тыла, и применил против их кораблей «греческий огонь». После необычайно холодной зимы, во время которой осаждавшие были вынуждены съесть своих верблюдов, атака возобновилась. Но уже следующим летом халиф приказал им отступить, и по пути домой они потерпели еще ряд поражений. Византия в честь победы 718 г. каждый год 15 августа проводила литургии – в день Успения Богородицы. По словам церковнослужителей, город уцелел благодаря защите Пресвятой Богородицы, а по мнению Льва III – хорошо организованной обороне.

После внутренних разногласий в арабском мире попытки захватить Константинополь начали предпринимать болгары – сначала в VIII в., потом в 920-х гг. Но им было трудно поддерживать снабжение войск – слишком длинными были пути подвоза, поэтому они не могли планировать длительные осады и в обоих случаях отступили уже через несколько недель. Затем подошла очередь русских, которые, проплыв по Черному морю, напали на город в 860, 941 и 1043 гг. Всякий раз Константинополь успешно отражал нападение, однако в самом начале XIII в. – в 1204 г. – нападение латинских крестоносцев оказалось успешным. Они сумели войти в город, но только благодаря коварству, предательству и внутренней слабости, а вовсе не военной силе крестоносцев. Прискорбная история о нападении христиан на Византию рассказана в главе 24. Несмотря на разграбление Константинополя и 57-летнюю латинскую оккупацию, в 1261–1453 гг. город восстановил византийский характер и даже вернул себе часть былой славы. Наконец, в мае 1453 г. оказалось, что фортификационные сооружения V в. не могут устоять перед турецким порохом и пушечными ядрами.

На протяжении всей своей византийской истории городское население то росло, то уменьшалось – в зависимости от направления давления извне. В результате постоянного роста населения после IV в. его численность достигла примерно полумиллиона человек при императоре Юстиниане (527–565). И хотя все оценки численности населения являются предположительными, цифра 500 тыс. человек основана на провозной способности зернового флота, который доставлял в город основные продукты питания, а также на активизации там строительства и управления. Новый Рим привлекал жителей, постепенно становясь самым крупным городом позднеантичного мира, а старый Рим приходил в упадок. В 541 г. империю поразила эпидемия чумы, которая существенно уменьшила численность населения. Болезнь разносили крысы, которых было множество на зерновых судах и в товарах, перевозимых по суше. Историк Прокопий, ставший свидетелем ужасов эпидемии, пытаясь их описать, не нашел ничего лучшего, чем использовать рассказ Фукидида о чуме V в. до н. э. К древней версии Прокопий добавил собственные наблюдения – о том, как живых осталось слишком мало, и они не могли хоронить умерших, которых приходилось бросать за стены и в резервуары. Количество жителей, должно быть, серьезно сократилось, причем не только в 541–542 гг., но и при последующих вспышках болезни в VII и VIII вв. Кроме этой непонятной эпидемии столицу регулярно поражали землетрясения, сея страх и унося все новые челове-

ческие жизни. В 740 г. большое землетрясение разрушило до основания церковь Св. Ирины, а также много других городских построек.

Константин V (741–775) дал населению надежду, приняв программу восстановления города. Он начал с церкви Св. Ирины – ее восстановили довольно быстро, и она стала лучше, чем была. Для возрождения города более важным оказалось следующее мероприятие: в 766 г. Константин организовал насильственную иммиграцию тысяч рабочих, чтобы отремонтировать разрушенный во время осады 626 г. акведук. Их набирали из числа понтийцев, в Азии, Греции и на Эгейских островах. Вполне вероятно, они остались в городе и после завершения работ. При Константине отремонтировали часы Большого дворца. В 767 г. император в качестве подарка франкам отправил орган, показав тем самым свой интерес к таким музыкальным инструментам. Они, вероятно, работали на гидравлической энергии, как фонтаны, и выполняли функцию механических золотых игрушек при византийском дворе. Новые церкви, вроде той, что возле маяка – Фаросская церковь, находившаяся в Большом дворце, – отражали амбициозное стремление Константина к восстановлению, привлекавшему в город новых жителей и купцов. При посредстве внутренней экспансии и возрождения рынков император значительно улучшил положение Константинополя, который снова обрел репутацию центра международной торговли.

Как центр всей имперской администрации, дипломатии, придворного покровительства и обучения искусным ремеслам город открывал новые возможности людям из удаленных провинций, которым нужна была работа и протекция, а также наемникам и духовным лидерам. В середине IX в. борец и объездчик лошадей по имени Василий использовал свой талант, чтобы подружиться с императором Михаилом III, а потом в 878 г. и вытеснить его. Даже те, у кого не было никаких особенных талантов, стремились наняться на работу в большие дома или городские монастыри. Юные девушки соперничали за место при дворе, где многочисленные придворные дамы обихаживали императрицу и привлекали внимание потенциальных женихов. Иностранцы, которые первоначально идентифицировались по прозвищам, таким как «Итальянец» или «Славянин», быстро поднимались на высокие должности. Близкие отношения с Кавказом добавляли своеобразия этому мультикультурному обществу, в котором военные делали быструю и успешную карьеру. Императоры Филиппик (711–713) и Роман I (920–944) были из Армении, а Лев III являлся отпрыском сирийской семьи, переселенной в Исаврию, что на юге Малой Азии. К IX в. Константинополь снова стал средоточием многочисленных частных вилл и дворцов, построенных знатью, патриархами, имперскими чиновниками и администраторами.

В конце XI–XII в., когда турки-сельджуки вторглись в Малую Азию (см. гл. 21), Константинополь наводнили беженцы. Даже учитывая явный рост численности населения, город, судя по всему, мог накормить всех – отражение эффективной эксплуатации поместий в западных провинциях империи, многие из которых принадлежали религиозным институтам, таким как монастыри на горе Афон. В конце XII в. один, крупнейший из них, – Великая лавра (см. гл. 18) – имел небольшой флот, с помощью которого перевозил избытки зерна со Святой горы в столицу. Хотя точные данные относительно численности населения Константинополя для нас недоступны, известно, что гости с Запада не уставали поражаться количеству людей на улицах. Описывая историю Четвертого крестового похода, Жоффруа де Виллардуэн, умерший между 1212 и 1218 гг., верил, что в Константинополе живет 400 тыс. человек. По его мнению, это был самый большой город в христианском мире.

В Константинополе находилось много монастырей, церквей и святынь, привлекавших паломников и святых людей со всех концов христианского мира. В V в. сирийский монах Даниил забрался на столп в окрестностях Константинополя и оттуда давал советы даже императорам. Такие аскеты пользовались глубочайшим уважением ведущих епископов церкви. Патриарх Константинопольский руководил религиозным образованием и собрал

большую библиотеку теологических текстов. В то же время существовали серьезные традиции светского образования, уходившие корнями в далекое прошлое. В 425 г. Феодосий II укрепил их, создав 31 место для преподавателей латинской и греческой грамматики, риторики, философии и права в специально выделенной части Капитолия. Обладая твердым имперским патронажем, Константинополь оставался центром юридического образования, а также математической науки и философии всего региона. А тем временем старшая сестра Феодосия Пульхерия всячески поощряла культ Богородицы специальными всенощными литургиями.

При поддержке императрицы Верины, супруги Льва I (457–474), этот культ особенно укоренился в двух местах Константинополя – Влахерны, что у северо-восточного угла стен, и в квартале медников Халкопрития – у Большого дворца. Помимо известных и почитаемых реликвий – ризы, пояса и покрыва Богородицы, – специальные иконы, изображавшие Святую Деву с Младенцем, а также литургический цикл Ее праздников, упомянутых в проповедях и молитвах, усиливали народную преданность Ей. Утверждали, что некоторые изображения принадлежали кисти св. Луки и были выполнены при жизни Богородицы. Все императоры пополняли имперскую коллекцию святых реликвий. В начале X в. Лев VI установил две чудотворные иконы по обе стороны от главного входа в кафедральную церковь Св. Софии (см. гл. 5). Западные гости после окончания Четвертого крестового похода поражались богатству коллекции реликвий и икон, равно как и числу придворных евнухов (см. гл. 15).

Мусульманские посетители тоже оставили комментарии о Константинополе и Византии. В XI в. дипломат и историк аль-Марвази записал: «Ромеи – великая нация. Они обладают обширными землями, где изобилуют хорошие вещи. Они талантливны в ремеслах и умеют изготавливать разные предметы, текстиль, ковры и сосуды».⁶

«Ромеи» приблизительно соответствуют римлянам. Так византийцы называли себя сами. По мнению аль-Марвази, только китайцы превосходили их в прикладных искусствах, а поскольку он побывал при дворе Великого хана, то имел полное право судить об этом. Он также объяснил богатство Византии, сообщив, что империя получала доходы от таможенных сборов, которые она собирала с купцов и кораблей из всех регионов, как и с караванов, добравшихся туда по суше из Сирии, от славян, русов и других народов. Для многих гостей с Запада богатство горожан Константинополя, которые одевались в шелка и ели икру, казалось сказочным. Для образованных жителей, таких как Никита Хониат, написавший историю Византии 1118–1206 гг., Константинополь был воистину «царем царей» городов. Его величие шло не столько от богатства, сколько от красоты, которой способствовало наличие прекрасных памятников и произведений искусства. Такое положение у Запада вызывало зависть, которую усилила неспособность Алексея IV заплатить участникам Четвертого крестового похода, что повлекло за собой разграбление города в апреле 1204 г.

Хотя после численность населения Константинополя так и не восстановилась до уровня предшествовавшего периода, он сохранил положение интеллектуального лидера до своего падения перед турками, продолжая привлекать купцов, художников и ученых, которые покровительствовали новому строительству и украшению церквей. Феодор Метохит (1270–1332), государственный деятель и ученый, восстановил древний фундамент монастыря Хора (Кахрие Джаме) в северо-западном районе города, украсил церковь великолепными новыми мозаиками и фресками. Труд архитекторов и ремесленников приносил новые формы в византийскую цивилизацию. К примеру, появились погребальные часовни с гробницами (для своих хозяев), которые пристраивались ко многим церквям. Вердикт арабских гостей был вполне благоприятным. В XIII в. аль-Харави написал, что «Константинополь – город еще более великий, чем его репутация». Далее он добавил: «Пусть Бог в своем мило-

⁶ V. Minorsky, "Marwasi on the Byzantines", in *Medieval Iran and its Neighbours* (London, 1982). P. 455–469.

сердии и щедрости сделает его столицей ислама». Позже аль-Казвини (1203–1283) заметил: «Ничто подобное не было построено ни до него, ни после». А великий историк и социолог Ибн Хальдун (1332–1406) назвал его «изумительным городом, резиденцией цезарей, полным работ, известных своим великолепием».⁷

Эта оценка усилила желание оттоманских турок сделать Константинополь своей столицей. После осады и захвата города в 1453 г. султан Мехмед II отдал его на разграбление на три дня, а потом много лет восстанавливал и всячески старался заселить его. Увенчанные куполами храмы Константинополя вдохновили Мехмеда на создание в городе Мечети завоевателя (Фатих Джами), возведенной на месте церкви Св. Апостолов, к которой был пристроен императорский мавзолей. Даже после завоевания турками Константинополь остался столицей Оттоманской империи. Пять сотен лет он был известен как Высокая Порта – центр международной дипломатии и ближневосточной политики. Константинополь воплощал стимулирующую комбинацию заморской торговли, местной торговой активности, бюрократии и ритуалов.

Сегодня он больше не является столицей Турции, и его древние стены окружены новыми автомобильными дорогами и обширными окрестностями. Бульвар Ататюрка проходит под и между арками главного акведука. Башня, построенная генуэзцами в Галате, северном пригороде, на другой стороне Золотого Рога (также называется Пера), выделяется среди современных зданий, теперь окружающих ее. А купола собора Св. Софии и Голубой мечети соперничают за внимание туристов в Старом городе. И все же город Константина до сих пор узнаваем своими великолепными видами, площадями и памятниками, которые пробуждают воспоминания о величии его истории. Ведь ему уже 17 сотен лет.

⁷ Nadia Maria El Cheikh, *Byzantium Viewd by the Arabs* (Cambridge, Mass., 2004). P. 204.

Глава 3

Восточная Римская империя

Бросайте в них свои дротики и стрелы... чтобы они знали, что сражаются... с потомками греков и римлян.

**Император Константин XI Палеолог, обращаясь к своим войскам
28 мая 1453 г. «Хроника» Псевдо-Сфрандзи**

Экспансия Римской империи и распространение римской культуры в Британию, Северную Африку, Египет, Центральную Европу, на Балканы и Ближний Восток по сей день представляется удивительным явлением. Обладая несомненной способностью собирать налоги во всех провинциях, чтобы финансировать следующие военные кампании и поддерживать центральный имперский бюрократический аппарат, римская администрация достигла ранее невиданного уровня контроля над самыми разными территориями. Сила империи уходила корнями в систему, которая позволяла интегрировать покоренные регионы таким образом, чтобы они добавляли ей сил. Империя мастерски владела искусством использовать местные таланты всех провинций на пользу своему делу, низводя регионы до подчиненного статуса.

Латынь использовалась на всей территории запада, а греческий оставался *lingua franca* всех восточных регионов. До VI в. Византийская империя использовала оба древних языка. Администраторы, которых посылали с Запада в восточную половину империи, часто снабжались своеобразными словарями, показывавшими греческий эквивалент латинских слов и объяснявшими местную терминологию. Перевод с греческого языка на латынь был в основном работой христианских ученых, которые хотели сделать Священное Писание и теологические труды доступными для жителей Запада. Намного меньше латинской литературы переводилось на греческий язык. К примеру, большая часть трудов Цицерона, Овидия, Вергилия и Горация оставались неизвестными для одноязычных греков. Однако большинство образованных людей говорили на двух языках. Аммиан Марцеллин (ок. 330–392 или позже), уроженец Антиохии, называвший себя греком и солдатом, написал историю своего времени на латыни, изложив ход военной кампании императора Юлиана. Он также блестяще передал красоту древних достопримечательностей, не сохранившихся до наших дней, таких как храм Сераписа (Серапеум) в Александрии, разрушенный христианами в 391 г., или форум Траяна в Риме.

Императоры старались поддерживать единство обширной империи, но признавали трудности, связанные с управлением ею из одного центра. Решение предложил Диоклетиан (284–305), разделивший империю на две половины, каждой из которых правил император и его помощник – «младший» император. Два старших императора должны были действовать сообща, издавая законы, обязательные для выполнения в обеих половинах римского мира, и защищая свои территории. Такая тетрархия была призвана стабилизировать гражданское управление и военную оборону. Она функционировала достаточно эффективно, чтобы позволить Диоклетиану и его коллеге уйти на покой после двадцати лет службы, оставив императорами своих младших коллег. Но, как мы видели в главе 1, Константин разрушил эту систему, желая стать единоличным правителем империи. Это реставрировало монархию.

Монархия, однако, в IV в. была не более успешной, чем тетрархия в решении проблем Римской империи. Потомки Константина оказались перед лицом двух разных типов военной угрозы. На востоке римляне должны были сдерживать Персию, на севере и западе германские племена ждали случая оккупировать римскую территорию. Не имевшие письменности, монет, права или узнаваемой системы управления, они традиционно считались наивными варварами. Но все же Юлиан (361–363) до того, как стать императором, был вынужден про-

вести кампанию против алеманнов к востоку от Рейна, так же как против персов за Евфратом. Ни один император не мог защитить одновременно все границы растянутой империи.

В 395 г. Феодосий I навязал другое решение, формально разделив империю между своими сыновьями: Гонорий стал императором Запада, а Аркадий – Востока. Но поскольку оба юных императора нуждались в опекунах и советниках, ситуацией воспользовались генералы. Стилихон (наполовину римлянин, наполовину вандал) захватил контроль над Западом, а евнух Евтропий – над Востоком. Они олицетворяли набор неримских сил (в первую очередь готов) в армию, который позволил варварам достичь высокого положения. Этот процесс имел место в обеих половинах империи, но влияние варваров оказалось намного опаснее на Западе. Восстание в Британии привело к выводу имперских войск в 406 г., что совпало с большим нашествием вандалов, свевов и аланов по льду Рейна. Далее они направились через Галлию в Испанию, что явилось началом конца западной части Римской империи.

Но самый серьезный вызов имперской власти бросили вестготы, лидер которых Аларих был назначен *magister militum per Illyricum* (магистр армии восточной провинции Иллирик – крупного региона Балкан). К 410 г. он привел вестготов в Италию, осадил Рим и отказался вступать в переговоры с сенатом, равно как и от предложений золота. В августе того же года Рим – Вечный город, столица величайшей империи Древнего мира – был разграблен недовольными войсками Алариха. Катастрофа побудила св. Августина, гиппонского епископа, к написанию труда «О граде Божием».

Вслед за разграблением Рима начались другие завоевания варваров – военные походы гунна Аттилы, второе разграбление Рима вандалами из Северной Африки в 455 г. и свержение последнего западноримского императора Ромула Августа в 476 г. После этого западная часть римского мира была поделена между варварами. Одни, как Аларих и остгот Теодорих (Теодерих), подстрекались восточными императорами к походам на запад, оставив восток в покое. Другие, к примеру бургунды и франки, перешли Рейн и обосновались в Центральной и Северной Галлии. Немногочисленные чиновники, представлявшие остатки римской администрации, перебрались в Арль, что на юге современной Франции, и стали торговаться с пришельцами о наилучших условиях для себя. Многие представители сената искали убежища в церкви.

Однако восточная половина империи вовсе не пришла в упадок. Наоборот, она просуществовала еще больше тысячелетия. Все это время ее столицей был сильный Константинополь, которому оказывали поддержку богатые провинции Ближнего Востока. Восточная империя контролировала восточную часть Средиземноморья, расположенную к востоку от линии, проведенной от Сингидуна, что на Дунае (современный Белград), через Адриатику на юг до Кирены, что в Северной Африке (современная Ливия) (см. карту 2). Большая часть Балкан, Греция, Эгейские острова и вся современная Турция лежат в ее северной половине, а Сирия, Палестина, Египет и Ливия – в восточном и южном секторах. За Черным морем римская власть сохранила небольшое поселение в Крыму, и навигация через Эвксин, или «дружественное» море, продолжилась. Крит, Кипр и Сицилия были ключевыми точками на морских путях, а порты Александрия, Газа, Кесария и Антиохия поддерживали торговлю, опираясь на авторитет Константинополя. До VII в. международная торговля также доходила до западных центров, таких как Карфаген в Северной Африке и Картахена и Севилья в Южной Испании.

Восточная половина Римской империи и есть Византия. Это название было дано ей только в XVI в., когда ученые гуманисты стали искать способ идентифицировать то, что осталось после краха старого Рима на западе. И хотя они ввели термин, который прижился и использовался с тех пор, важно помнить, что сами византийцы называли себя римлянами (по-гречески – ромеями) и считали себя таковыми. Причем их претензии на римские качества не были тщеславием или снобизмом. В 330–619 гг. Византий наслаждался имперскими

реалиями и идеологией. В первую очередь речь идет о принципе «хлеба и зрелищ», то есть об обеспечении основных продовольственных поставок и развлечений для всех жителей восточной столицы.

Как мы уже видели, Константин I настоял на бесплатной раздаче хлеба всем константинопольским строителям. Организация достаточного импорта зерна из Египта – важнейшее государственное мероприятие, обеспечившее занятость владельцам зерновых судов, морякам и капитанам, совершавшим рейсы в Александрию, а также рабочим, выгружавшим зерно на острове Тенедос – на входе в Дарданеллы, где оно хранилось в просторных силосах в ожидании попутного ветра, который позволил бы отвезти его в столицу. Там оно распределялось среди членов гильдии мельников и пекарей, обеспечивавших ежедневное наличие хлеба. Те люди, которые могли документально подтвердить свою принадлежность к городскому населению, получали бронзовый знак, дававший право на получение буханки бесплатного хлеба в пунктах выдачи. Этот хлеб раздавали не по причине нужды, скорее, это была привилегия для тех, кто мог доказать, что он византиец.

После персидской оккупации Египта в 619 г. зерновой флот больше не прибывал, но раздача хлеба продолжилась. Снабжение зерном стало обеспечиваться из альтернативных источников, в первую очередь из Фракии. Только теперь жителям приходилось платить за хлеб. И хотя имели место бунты, когда качество хлеба падало, и городской эпарх не раз подвергался нападениям, если ощущалась нехватка того или иного продукта, принцип снабжения столицы основными продовольственными товарами поддерживался веками. Даже когда население Константинополя увеличилось примерно до полумиллиона человек – при Юстиниане перед началом эпидемии чумы – и до 400 тыс. в XII в., выпекалось достаточно хлеба, чтобы хватило всем.

Кроме хлеба государство гарантировало публичные развлечения, которые устраивались на константинопольском ипподроме, обновленном Константином I. Эта арена для скачек была огромной. Ближе всех к беговым дорожкам сидели сенаторы и знать – на мраморных скамьях, выше располагались деревянные скамьи для остальных зрителей. На самом верху предусматривались стоячие места для женщин и детей. Византийцы являлись страстными энтузиастами скачек и гонок колесниц и фанатами партий, которые различались по цветам. «Красные», «белые», «зеленые» и «голубые», импортированные из Рима, были организованы профессиональными корпорациями. К VI в. значение имели только «зеленые» и «голубые», но они разрослись, стали крупными и могущественными партиями и теперь не только проводили скачки, но и показывали выступления гимнастов, атлетов, боксеров и диких животных, а также исполняли пантомимы, песни и танцы в промежутках между скачками.

Благодаря истории Прокопия мы располагаем подробным описанием одного известного народного развлечения. Артисткой была Феодора, родившаяся в 497 г. Некоторые историки считают, что рассказ не обоснован и имеет целью опорочить ее. Но ведь императору пришлось изменить закон, чтобы сделать ее своей супругой, значит, она, вероятнее всего, происходила из семьи, занимавшей низкое положение, даже если она не выступала в том качестве, в каком описывает Прокопий. Его рассказ показывает, как «голубые» и «зеленые» устраивали народные развлечения, описывая различные действия, которые должны были выполнять артисты: отец Феодоры – Акакий, судя по всему, был «медвежатником», который заставлял зверя танцевать или драться во время разных представлений. После его смерти жена попыталась найти себе другого мужа из числа «голубых», но не имела успеха. Тогда она решила использовать дочерей.

Феодора, как утверждают, «не умела ни играть на флейте, ни на струнных инструментах (роли, изображенные на основании обелиска на ипподроме), тем более не отличалась в танцах, но умела она только первому встречному продавать свою юность и красоту, служа

ему всеми частями своего тела. Затем она стала выступать с мимами во всех театральные представлениях, принимая участие во всех их постановках, там, где требовалась ее помощь, чтобы вызвать смех шутовскими выходками. Она была исключительно изящна и остроумна. Поэтому она, когда была на сцене, тотчас обращала на себя всеобщее внимание». Этот тип развлечений отличался от номеров театральные танцоров, которые воссоздавали на сцене истории из древних греческих мифов в мимических композициях под музыку. Феодора прославилась в более низменных развлечениях, чем, вероятно, и привлекла внимание племянника императора, Юстиниана, разделявшего, судя по всему, ее вкусы. Как только закон был изменен, Юстиниан немедленно на ней женился. Феодора стала его супругой, а впоследствии и императрицей. Позднее я расскажу о ее роли и знаменитом портрете в Равенне.

Римская политика «хлеба и зрелищ» со временем развилась в христианскую – «суп и спасение». Церковь попыталась смирить народную страсть к бегам, пари и всему тому, что она считала непристойными развлечениями. Театральные постановки древнегреческих пьес постепенно прекратились, а театры и одеоны – весьма заметная черта древних городов – становились источниками строительных материалов. Они быстро разрушались, а места, где они стояли, стали ассоциироваться со злыми духами. Некоторым древним статуям приписывались пророческие качества. В общем, для христиан от всего этого мог быть только вред. Церковь яростно атаковала и городские традиции, такие как бани, и сельские, к примеру праздник сбора винограда, одновременно пытаясь обуздать аморальное и неприличное поведение. Но ей так и не удалось отвлечь византийцев от их страсти к зрелищам на ипподроме.

«Голубые» и «зеленые» – организаторы скачек – имели и более серьезные обязанности. Они приветствовали императора, когда он находился в императорской ложе на ипподроме, куда он мог войти прямо из дворца. У этой ответственности был и политический аспект. Отдельные лица или группы использовали фракции для выражения своего недовольства. Во время театральные действий, следовавших за обязательным приветствием, «голубые» и «зеленые» могли выкрикивать критические замечания, например относительно высоких цен. В дебатах VI в. зафиксировано осуждение отдельных практик, а также ответа императора, данного через главного управляющего – *praepositos*. Некоторый потенциал политического недовольства был принесен в общее пространство ипподрома, где имелась возможность его контролировать. Таким образом можно было озвучить обиды на коррумпированных чиновников и возмущение высокими налогами. Тем не менее ипподром не считался местом для настоящих серьезных дебатов: автократическая природа византийского правления такого допустить не могла.

Он на самом деле был местом для волнующих публичных зрелищ, к которым пристрастились все классы византийского общества, включая императора. Иногда правитель даже лично участвовал в гонках колесниц: в IX в. партии были проинструктированы позволить императору Феофилу (829–842), надевшему цвета «голубых», выиграть. Партии также устраивали частные развлечения для императорских гостей во дворце. В них нередко участвовали хоры городских церквей. В X в. долгие пиршества оживлялись танцорами, выступавшими под звуки гидравлических органов. «Зеленые» и «голубые» также устраивали выступления гимнастов и акробатов, а также другие цирковые зрелища, иногда на верблюдах или проволоке, натянутой высоко над ипподромом. Все это неизменно приводило в восторг гостей Константинополя.

Ипподром являлся местом, где византийцы собирались по случаю всевозможных церемоний, таких как празднование дня рождения города, всегда отмечавшегося 11 мая, военных побед, смерти врагов и осужденных преступников, рождения или коронаций правителей. Там император встречался с народом. В XII в., когда династия Ангела решила отмечать императорские бракосочетания в уединении Влахернского дворца, население выразило недо-

вольство. Иногда обстоятельства могли становиться вовсе не благоприятными, скорее даже враждебными. Определенно в подземельях ипподрома, где «голубые» и «зеленые» держали костюмы и реквизит, имели место интриги и заговоры. Одновременно некоторые правительственные службы работали в помещениях, расположенных под трибунами. Ипподром играл во всех отношениях важную роль в жизни города, и императоры расходовали крупные средства на развлечения населения.

Имперская идеология снабжала все аспекты жизни византийского двора римскими символами власти и новыми ловушками, перенятыми у Персии. Диоклетиан был первым императором, надевшим диадему, расшитые золотом одежды и регалии – импортированные с Востока, и он ожидал, что люди будут падать ниц перед ним. Правители IV в. усложнили эти обычаи из Персии, где «царь царей» – шахиншах – сидел на троне под золотыми деревьями с золотыми птицами, которые даже могли петь, а рядом лежали рычавшие львы. Феодосий II соорудил площадку для поло, так что византийские императоры могли заниматься царским спортом – еще один импортный товар из Персии.

В обширном дворцовом комплексе – в самом византийском дворе – символы и реалии автократической власти встречались. Имперское влияние демонстрировалось при посредстве технологических инноваций, таких как водяные часы (клепсидра) и астрономические приборы. Византийцы использовали принципы, разработанные Героном Александрийским в I в. для создания приводимых в действие водой автоматов, которые производили большое впечатление на гостей. В X в. Лиутпранд Кремонский, отправившийся с посольством в Константинополь, сообщил, что огромный трон, охранявшийся львами, которые рычали, поднимался высоко в воздух: «Человек, которого я незадолго до этого видел сидящим на скромном возвышении, теперь сменил одеяние и сидел на уровне потолка». В императорских банях и садах фонтаны подбрасывали водные струи, золотые птицы пели, а органы обеспечивали музыкальное сопровождение. И часы, точно измерявшие время, и астрономические приборы, которые могли предсказывать затмения, – все это символизировало власть императоров, их несравненный престиж и показное величие.

Архитектурное обрамление этого праздника имперского превосходства оформлялось по образу и подобию дворца Августа на Палатинском холме в старом Риме. Септимий Север (193–211) построил первоначальный дворец в древнем городе Византий. Впоследствии к нему делали большие и малые пристройки практически все следующие правители, и в конце концов комплекс Большого дворца занял значительную территорию в первом из 14 константинопольских районов. В нем были не только залы для приемов, жилые помещения для членов императорской семьи и их слуг, церкви, бани и гарнизоны, но также многочисленные отделы и отделения имперской администрации – все они соединялись между собой коридорами. Еще дворцовый комплекс имел сады с террасами и фонтаны, снабженные резервуарами для воды (см. гл. 16). Дворец располагался на возвышенности, и оттуда открывался прекрасный вид на Босфор. В конце VII в. Юстиниан II (685–695, 705–711) окружил дворец стеной, создав таким образом первый кремль. Несмотря на серьезное укрепление, во дворец все же удавалось проникать и мятежникам, и убийцам. Например, в 820 г. они представились членами хора, который должен петь на Рождественском празднестве, и убили Льва V.

Дворец всегда был центром науки – императорские дети получали образование. Там же находилась внушительная библиотека. Большинство императоров поддерживали ученых и покровительствовали отдельным учителям. Василий I, сместивший Фотия с должности патриарха, позднее вернул его во дворец в качестве учителя для своих сыновей Константина, Льва и Александра. Второй сын, правивший под именем Лев VI (886–912), получил прозвище Лев Мудрый, что, возможно, частично было данью его учителю. Дворцовая библиотека «вскормила» нескольких правителей-интеллектуалов, таких как Константин VII (913–959). Там работали писцы, создавшие превосходные копии манускриптов для передачи ино-

странным правителям. В 827 г. они сделали копию трудов Псевдо-Дионисия Ареопагита. Манускрипт был передан Людовику Благочестивому и долгое время хранился в монастыре Сен-Дени, недалеко от Парижа (сейчас он находится в Национальной библиотеке). А при Романе II (959–963) писцы создали иллюстрированную копию средневекового фармакологического текста Диоскорида для халифа Кордовы.

И в практическом управлении восточной частью империи присутствовали римские традиции, в первую очередь в вопросах налогообложения. Чиновники вели перепись населения и оценивали качество земли для взимания налогов с физических лиц, собственности и земельных владений. Доходы от налогов оставались жизненно важными для имперского бюджета, и их снижение из-за дарения не облагаемых налогом участков и принятие в XI в. откупной системы не могли не привести к кризису. При переходе от резных надписей и папирусов к записям на пергаменте использовалась римская практика, причем копий императорских решений делалось три. Монументальные надписи на камне использовались, к примеру, чтобы датировать процесс ремонта константинопольских стен и сделать запись о победе в сражении при Никее в начале VIII в. Пергамент, как и папирус, можно было уничтожить огнем и украсть, так что сохранились лишь следы некогда могущественного бюрократического аппарата в основном в официальной переписке, например с римскими епископами, или касательно императорских даров монастырям.

В фундаментальной процедуре провозглашения нового правителя Византия добавила в римское наследие христианский элемент. К приветствию сенатом, армией и народом на ипподроме в 457 г. добавили коронацию, проводившуюся патриархом в соборе Св. Софии. Лев I стал первым византийским императором, испытавшим на себе данный христианский ритуал. На этом настоял патриарх Анатолий, вероятно, потому, что Лев был неизвестной фигурой из военных. Он занял вакуум, образовавшийся после смерти последнего представителя династии Феодосия. Исполнение церемонии и использование короны стали необходимы претендентам и узурпаторам для увеличения своей власти. Но еще более важным было то, что коронация символизировала трансформацию в Византии римских имперских традиций в христианские.

Средневековый византийский ритуал коронации копировался дворами по всей Европе. Папе Льву III при возвышении Карла Великого к положению императора в 800 г. даже пришлось искать корону, чтобы возложить на его голову. Кроме того, он помазал его священным маслом – западная инновация, внесенная в ритуал. На средневековом Западе «помазание» – так называлась эта процедура – обычно предназначалось для епископов и высокопоставленных священнослужителей. Когда Лев III использовал ее при коронации монарха, он заявил о важной и высшей роли церкви, которую римские папы, русские митрополиты и кентерберийские архиепископы старались увековечить. Наполеон пренебрег этой зависимостью от церкви, короновавшись в Париже. Другие монархи в Старом и Новом Свете сохраняли византийский стиль, ставший, например, основой возвышения королевы Елизаветы II. Ее коронация впервые транслировалась по телевидению в 1953 г., через 15 сотен лет после коронации Льва I патриархом Анатолием. Однако главный момент помазания, когда епископы собираются вокруг монарха, все еще считался священным и не показывался зрителям.

Византия сохраняла имперские традиции, хотя и приукрашенные христианством, которые сделали имперское правление известным, равно как и имперскую идеологию, закрепленную в праве, управлении, военной организации, медицине, налогообложении и придворном церемониале. Император оставался фигурой, подобной Богу на земле, который и «санкционировал» его неоспоримую власть. Глава империи обучал и возглавлял войска в сражении – правда, священнослужители благословляли кампанию и молились за победу, которая была дарована Богом. Императорский двор отличался необычайной помпезностью и показухой, хотя и считался отражением двора небесного. Правосудие оставалось импера-

торской прерогативой и обязанностью, и обращениям к императору всегда уделялось внимание, даже если они исходили от беднейших безымянных подданных. Древние храмы Константинополя не были уничтожены и не стали сразу христианскими – просуществовали до VI в., после чего их приспособили для светского использования. Некоторые древние произведения искусства ценились очень высоко, даже несмотря на то, что они изображали обнаженных богов и богинь.

Если плоды римской инженерной мысли оказывались на виду – мосты, дороги, фортификационные сооружения и акведуки, которые продолжали строиться веками, то не столь заметные функции оплачиваемой бюрократической администрации становились важными для обеспечения существования Византии. Когда трон захватывали некомпетентные мятежники, например Фока (602–610), правительство продолжало работать. Хотя некоторые императоры, такие как Алексей I Комнин (1081–1118), вмешивались и реформировали систему. Нужда в опытных функционерах также помогала поддерживать высокие стандарты обучения и поднимала общий уровень грамотности бюрократов. Да и сами они прониклись сознанием своей значимости и поддерживали честь мундира, что видно из их писем.

Когда восточная половина Римской империи трансформировалась в христианскую Византию, к старым имперским и классическим традициям присоединились новые – религиозных верований, в том числе сохранение элементов дохристианского язычества. Своей жизнестойкостью и выживанием Византия обязана сосуществованию конфликтующих тенденций. Когда Константин XI Палеолог потребовал, чтобы его подданные защищали свою столицу от османских турок, – было это за день до последнего штурма 29 мая 1453 г., – он призвал их продемонстрировать дух и силу своих предков, греков и римлян. Он и сам пал в сражении, охваченный этим духом, не как христианский мученик, а, скорее, как потомок Цезаря и Августа, Константина и Юстиниана.

Глава 4

Греческая ортодоксия

Исповедание Божественного Символа веры, совершаемое всеми, предвещает то таинственное благодарение, которое мы будем приносить [Богу] в будущем веке за необыкновенные пути и способы, употребляемые для нашего спасения премудрым Промыслом Божиим. Преподобный Максим Исповедник. «Мистагогия», написано ок. 640 г., цитируется патриархом Германом в «Комментарии к Божественной литургии» (после 730 г.)

Историки часто спрашивают: почему христианство преуспело, как оно завоевало лояльность тех, кто раньше поклонялся многим богам, и какие факторы обеспечили его постоянное присутствие в Древнем мире Средиземноморья? Являясь ответвлением иудаизма, оно унаследовало убеждение, что есть только один Бог-творец. Это убеждение проповедовалось всем, кто только соглашался слушать. Но ведь старые культы удовлетворяли большинство нужд на протяжении многих веков. Почему же поклонники Аполлона, Исида, Заратустры, Митры и других привычных богов перешли в христианство?

В отличие от своих современников поклонники Иисуса были убеждены, что смерть это не конец: они попадут в рай, где мир и свет. Эта вера мотивировала их вести себя должным образом: избегать греха, поощрять веру, надежду и милосердие, так чтобы Бог посчитал их достойными вечной жизни в другом мире. Это отделяло их от иудеев, политеистов и приверженцев всех прочих культов, коих было немало в начале новой эры.

Некоторые даже предпочитали смерть отказу от веры, что римские власти считали в высшей степени необычным. Со времен императора Нерона, который возложил ответственность за поджог Рима 64 г. на группу, которая «своими мерзостями снискала всеобщую ненависть», христиане предпочитали мученичество, но не отрекались от веры. Когда рабыню Бландину бросили диким зверям на римской арене в Лионе в 177 г., она все время громко повторяла: «Я христианка», и больше ничего. В конце рабыню положили в ивовую сетку и бросили к быку, который долго кидал и швырял ее, а потом несчастную зарезали. Вероятно, ее останки, вместе с телами прочих мучеников лионских, были выставлены язычниками на шестидневное поругание, а затем сожжены и развеяны над Роной, чтобы от них не осталось и следа на земле. Но свидетели этого жуткого действия были потрясены и шокированы, а кого-то вдохновило беспримерное мужество мучеников. Таких примеров существовало множество по всей территории римского мира среди христиан разных классов: св. Лаврентий в Риме, св. Перпетуя в Карфагене, св. Артемий в Египте, св. Фекла, предположительно спутница св. Павла в Селевкии. Везде, где могли, христиане строили церкви на местах мученичества и гробницы с мощами мучеников.

Возможно, мученичество не являлось определяющей чертой раннего христианства, однако во время гонений на христиан, устроенных императорами Децием и Диоклетианом в III и начале IV в., целые общины предпочитали умереть, но не курили фимиам в честь римских правителей. Все потому, что их Бог запрещал поклоняться другим богам. На христианских празднествах бескровные жертвоприношения – хлебом и вином, символизировавшим кровь и плоть Христа, напоминали его смерть, вытеснив все прочие формы приношений. Воскрешение Сына Бога обещало после смерти жизнь на небесах для всех, кто в Него верит. Оттуда важность принципа: «Я верую в единого Бога, творца неба и земли...», который повторялся всей конгрегацией при каждой евхаристии.

В своих путевых заметках и письмах христианским сообществам в Восточном Средиземноморье св. Павел отметил быстрое распространение веры. Позднее авторы Евангелий собрали описания жизни Иисуса, в которых были зафиксированы действительно сказанные им слова, притчи и Нагорную проповедь, а также основные инструкции, как быть христианином. По мере того как в основном городские группы разрастались, они назначали блюстителя (по-гречески – *episkopos*) своим представителем. Этот епископ со временем стал лидером, имевшим штат служащих, призванных помогать ему в проведении литургий, инструктировании новообращенных, заботе о престарелых и больных верующих и эксплуатации земель, переданных христианской общине. В Риме епископ считался прямым потомком св. Петра, который был там распят, а сковывавшие его цепи вскоре превратились в почитаемые реликвии. Поскольку Иисус сказал: «Ты Петр, и на сем камне (*petra*) я создам церковь мою», позднее христианские епископы в старой языческой столице стали претендовать на невиданную власть.

Таким образом, задолго до «обращения» Константина I христиане создали в римском мире разветвленную сеть церквей. Их организация была еще мала, и места для поклонения являлись не столь впечатляющими, как храмы древних богов, не такими распространенными, как алтари персидского бога Митры, и менее популярными, чем культы Исиды и Осириса, привезенные из Египта. И в начале IV в. имели место «великие гонения», начатые императором Диоклетианом (284–305). Многие отступились, согласились на жертву и отдали свои священные книги и сосуды. Другие спрятались в сельской местности. Список мучеников становился все длиннее. Хотя историки до сегодняшнего дня спорят, какая часть населения оставалась христианской во время Миланского эдикта 313 г., все они согласны с тем, что церкви были ослаблены и разделены императорскими эдиктами, направленными против веры.

Несомненно, чрезвычайно важным оказалось решение Константина собрать всех епископов христианского мира на встречу в Никее – в западной части Малой Азии – летом 325 г. Не сохранилось никаких записей о том, сколько их было. Задачей Никейского собора стало рассмотрение доктрины, представленной Арием, дьяконом из Александрии, а также согласование формулировок основных догматов христианства. Император покрыл все дорожные расходы, равно как и расходы на проживание, и лично председательствовал на соборе. Из-за присутствия на нем церковных лидеров из всех частей империи (правда, с Запада прибыли немногие) собор впоследствии получил название «Вселенский». И впоследствии имели место аналогичные встречи, организованные императорами, чтобы решить наиболее серьезные теологические проблемы. Восемь из них называли «Вселенскими» (последний, созданный в 879–880 гг., не всегда признается на Западе). Создавшие их императоры нередко сами участвовали в обсуждениях. Таким образом, светский контроль был «встроен» в организацию христианской церкви с самого начала ее вхождения в Римскую империю.

Ранее местные соборы дали модель для решения вопроса о разногласиях в рамках церкви, однако Константин замыслил нечто намного большее. Двадцать дисциплинарных законов (канонов), согласованных в Никее, должны были повлиять на весь христианский мир. Соответственно, решение собора по доктрине Ария, который утверждал, что Иисус, сын Божий, ниже Бога Отца и не может иметь ту же сущность, становилось обязательным для всех. После обсуждения собор определил Сына как единосущного (*homoousios*) и собезначального, как Отец, иными словами, имеющим такую же Божественную природу. Это было жизненно важно, потому что, если Христос не был воплощенным Словом Божьим и не имел той же Божественной природы, простые люди не могли надеяться на вечную жизнь через спасение. Писания Ария осудили, а его самого изгнали. Наконец, собор сформулировал догматическое определение христианской веры, Символ веры и принял решение относительно метода расчета даты Пасхи (ее следовало отмечать в воскресенье после полнолу-

ния, следующего за днем весеннего равноденствия). Утверждают, что все присутствовавшие епископы, кроме двух, подписали соглашение.

Осуждение Ария, каноны и тексты, относящиеся к Пасхе и Символу веры, – единственные записи, сохранившиеся после I Вселенского собора, – так его стали называть в конце IV в. На нем присутствовало 318 епископов, ставших 318 Отцами Церкви. Поскольку поименный список присутствовавших не сохранился, они остались анонимной группой, хотя и очень авторитетной. Это собрание создало важный прецедент: император должен созывать такие соборы, на которых были представлены все христиане и где издавались предписания для правильного вероучения и практики. Все соборы проходили на Востоке, дискуссии на них велись на греческом языке, и нередко римский епископ был единственным представителем Запада. Вероятно, трудности, связанные с путешествиями на большие расстояния, удерживали других западных епископов от участия, и они узнавали о принятых решениях из докладов, распространявшихся папой. Позднее соборы созывались, чтобы разобраться с разделением церкви; они определяли и должным образом осуждали ересь. Их протоколы, в которых обычно отражались все подробности дебатов, являются ценным свидетельством роста христианства и местных вариаций в вероучениях и религиозной практике.

Несмотря на осуждение Ария в Никее, он позднее был прощен, а в 335 г. его идеологию реабилитировали. В течение большей части IV в. сыновья Константина с благосклонностью относились к его теологическим определениям. Это имело серьезные последствия и для тех, кто поддерживал декреты Никей, и для распространения христианства среди неримских племен. В 340-х гг. готский лидер Ульфил (Вульфил) посетил Константинополь и был посвящен в сан епископа арианскими властями. Позже он изобрел алфавит, чтобы иметь возможность представить устный язык готов в письменной форме, и перевел Евангелия. Готы были не единственным народом, принявшим арианские определения христианства; то же самое сделали почти все прочие германские племена. Так что, когда Римская империя на западе пала под натиском варваров, остготы, вестготы, свевы, бургунды и вандалы принесли с собой свои арианские верования, которые неоднократно осуждались церковными соборами. В процессе этого пришельцы столкнулись с упорным противодействием христиан, не приемлевших учения Ария. В Равенне Теодориха сохранились Арианский баптистерий и баптистерий православных, а также церкви двух противоборствовавших христианских групп. В Северной Африке вандалы были намного менее терпимыми и вели гонения на неарианских христиан. Арианство окончательно искоренили только в VI в., когда войска Юстиниана навязали ортодоксальную веру всему населению империи. Постепенно свевы, вестготы и бургунды отказались от своего проарианского прошлого в пользу вероучения, одобренного Вселенскими соборами и имевшего более «римский» характер.

Хотя большинство сохранившихся источников являются христианскими по происхождению, ясно, что языческие культы не исчезли быстро. Философские школы, дававшие высшее образование в Александрии, Афинах и Антиохии, продолжали функционировать в дохристианской среде. Для интеллигентных молодых людей это был единственный способ получить «продвинутые» знания. С этой культурой неразрывно связаны имена четырех великих восточных святых, почитаемых как греческие Отцы Церкви, – Василий, Григорий Богослов (Григорий Назианзин), Григорий Нисский и Иоанн Златоуст. Св. Августин, ставший одним из главных латинских Отцов Церкви, тоже получал образование по языческой программе. Василий, впоследствии ставший епископом Кесарии, вместе с будущим императором Юлианом посещал лекции по античной философии, которые читал в Афинах платоновский эксперт Прохересий. Юлиан, став в 361 г. императором, попытался оживить поклонение языческим богам, однако этому помешала его безвременная смерть всего лишь 18 месяцами позже. Движение умерло вместе с лидером. Тем не менее многие ученые оста-

вались приверженцами языческих культов, а сельские жители, которых вообще никак не затронули христианские доктрины, продолжали жить по древним обычаям и поклонялись своим привычным богам.

Императоры упорно боролись с древними культами, для чего использовали всеобщие собрания епископов, клеймившие язычество и ересь. Постепенно складывалась твердая христианская иерархия. Феодосий I созвал собор в Константинополе в 381 г. Под его эгидой 150 епископов подтвердили решения, принятые в Никее, еще раз осудили арианство и добавили важные меры, направленные против языческих культов. Также они прояснили формулировку Символа веры, которую должны были повторять все христиане. Феодосий также настоял на повышении статуса епископских престолов в Константинополе и Иерусалиме до такого же, каким обладали высшие духовные чины в Риме, Александрии и Антиохии (епархии в этих городах основали апостолы). Иерусалим почитался как место служения Христа и его смерти на Кресте, который был обнаружен матерью Константина Еленой. Претензия Константинополя на выдающееся положение основывалась на том, что он стал столицей Римской империи, где находилась резиденция императора.

Возвышение Константинополя, конечно, оспаривалось Римом. Но в 451 г. на Халкедонском соборе, когда собрание 381 епископа признали II Вселенским собором, такое положение Константинополя было утверждено окончательно. Таким образом, Новый Рим поднялся на тот же уровень, что и старый, пусть даже последний и сохранил почетное первенство – все же его церковь была основана св. Петром. За старым и Новым Римом следовали Александрия, Антиохия и Иерусалим. Их епископы сидели в порядке старшинства по правую руку от императора и в том же порядке подписывали акты собора. К концу V в. Константинополь также приобрел известность как «Новый Иерусалим» – явный признак его претензии на высшую духовную власть.

Эти пять центров – Рим, Константинополь, Александрия, Антиохия и Иерусалим, каждый под руководством предстоятеля, который назывался патриархом или папой, – составляли пентархию, отвечавшую за поддержание правильной веры и церковной дисциплины во всей христианской вселенной (*oikoumene*). Постепенно они создали систему церковного управления, основанную на канонах, принятых Вселенскими соборами. Соперничество между Александрией и Константинополем усилило теологические разногласия на II и IV соборах, которые проходили в Эфесе в 431 г. и в Халкидоне в 451 г. Патриарх Константинополя Несторий (428–431) инициировал спор относительно роли Девы Марии, утверждая, что ее следует именовать матерью Христа – Христородицей (по-гречески *Christotokos*), а не Богородицей. Но на Эфесском соборе епископы решили, что термин «Богородица» – *Theotokos* – является правильным, и осудили Нестория за то, что тот подчеркивал человеческую природу Христа.

Это решение не помешало дальнейшим обсуждениям относительно двух элементов сущности Христа – человеческого и Божественного. Его двойственная природа всегда оставалась предметом повышенного внимания. Патриарх Кирилл Александрийский (412–444) усложнил теологию этого союза в личности Христа, используя термин «ипостась» – *hypostasis*. Позднее этот ипостасный союз, «Воплощенное Слово Божье», стали смешивать с определениями Христа, который есть *ousia* и *physis*. Так появилась отдельная группа христиан – позднее их называли монофизитами, от греческих терминов «один» (*monos*) и «природа» (*physis*). Но на IV Вселенском соборе, созванном в Халкидоне императором Маркианом и его супругой Пульхерией в 451 г., чтобы урегулировать проблему, было торжественно объявлено, что в Иисусе Христе две природы – Божественная и человеческая, каждая из которых совершенная и особенная, а вместе они соединены в одной ипостаси – Слова. Это определение было поддержано папой Львом I в послании, которое часто называют «*томос*». Отказ монофизитов согласиться с решением собора навсегда сделал Халкедон символом

разделения и привел к росту отдельных церквей, особенно в Сирии и Египте, где Коптская церковь до сих пор придерживается веры в «единство в одной природе».

Поскольку большая часть основной истории христианства имела место в восточной части империи и была записана на греческом языке, она оставалась доступной византийцам. А на Западе имелся неадекватный перевод греческих теологических определений, не отражавший тонкостей восточных споров о сущностной природе Христа. В дополнение к официальным заявлениям благодаря народному энтузиазму христиан были придуманы неофициальные истории и культы, часто сосредоточенные на особенных святых людях. Вера в сверхъестественное была распространена очень широко – чудеса являлись неотъемлемой чертой деяний Иисуса, и люди, нуждавшиеся в лечении, совершали паломничества к святыням христианских целителей. Кости св. Мины, к примеру, погибшего на римской арене, были известны своими чудодейственными качествами. Люди, совершавшие паломничества к его могиле, расположенной к западу от Александрии, часто уносили с собой небольшие сосуды с землей. Эти склянки украшали изображения святого, стоявшего между двумя верблюдами, с воздетыми ввысь руками. Такие сосуды циркулировали по всему христианскому миру вместе с рассказами об их целительских возможностях. Подобные места паломничества имелись не только на востоке, но тем не менее многие истории о ранних христианских святых были написаны сначала на греческом языке, а позднее переведены на латынь.

Самый известный пример такого рода литературы – «Житие Антония», написанное Афанасием Александрийским (328–373), который также являлся одним из самых ярких противников Ария. В некоторых случаях, когда императоры продвигали проарианскую теологию, Афанасия изгоняли, вынуждая искать убежище в пустыне. Там он и встретил Антония. Используя устные источники, переданные на разговорном египетском языке спутниками святого, которые последовали за ним в пустыню, чтобы узнать о его уединенной жизни аскета, Афанасий написал первую христианскую биографию на греческом языке. Это был рассказ об очень долгой жизни молодого человека, который отказался от семьи и состояния ради духовных практик, ночных бдений, молитв, размышлений о Боге – и все это в одиночестве в пустыне. «Житие Антония» стало образцом агиографии – описаний жизни святых. Агиография имела большое влияние не только в византийской литературе, но и в западной. Через несколько лет «Житие Антония» перевели на латынь, и этот труд прочел Августин, позднее ставший гиппонским епископом. Св. Августин стал автором очень необычного автобиографического труда – «Исповедь», а на формирование его личности вполне могло повлиять «Житие Антония». Оно уж точно кардинально изменило Августина: будучи мастером древней риторики, он преобразился в христианского епископа – аскета, который приобрел известность в качестве отца-основателя Западной церкви.

Аналогичные традиции также развивались в Сирии и Палестине, где святые люди покидали средиземноморские города, чтобы подвергнуть себя испытанию жизни в пустыне. В IV в. св. Харитон основал в иудейской пустыне, к югу от Иерусалима, первую *лавру* (группу келий для отдельных монахов). Она стала центром аскетов, которые собирались на свою воскресную литургию, но проводили целую неделю в кельях, разбросанных по пещерам, древним гробницам и удаленным скалам. Примерно в это же время египетский солдат Пахомий (ум. ок. 346) написал правила для своих последователей, ставшие первым монастырским уставом. Общинная жизнь мирно сосуществовала с отшельничеством, и оба вида аскетизма вдохновляли последователей и паломников. Для Византии, вероятно, самым влиятельным автором был св. Василий Кесарийский (329–379). Он посетил монастырские общины в Сирии и Египте, после чего создал свой собственный монастырь в Каппадокии и написал «Монашеские правила», пространные и краткие, подчеркнув важность общинной жизни, *koinobion* («киновия»). Этот греческий термин часто используется для обозначения монастыря, а производное от него – *coenobite* («киновит») – для обозначения монаха. Васи-

лий также подчеркивал необходимость присматривать за слабыми членами общества – вдовами, сиротами, больными и стариками.

Некоторые святые люди жили на столбах – становясь столпниками. Самые известные из них – св. Симеон старший и его последователь – св. Симеон младший. Их святыни неподалеку от Антиохии привлекали множество паломников. Утверждают, что эти столпники обладали даром целительства. Женщин, достигших высокого положения в пустынных общинах, было немного. Исключение составляет Сусанна, пустынная мать. Но рассказы о других святых женщинах, таких как св. Мария Египетская, раскаявшаяся блудница, говорят о том, что женщины тоже выживали в пустыне. Часто они прикидывались евнухами, что становилось сюжетом для написания очень популярных историй. Вот одна из них: когда Марина обрезала волосы, надела мужскую тунуку и стала Мариносом, та поступила в монастырь, где ее обвинили в том, что она стала отцом ребенка; исключенная из общины, Марина без жалоб вырастила ребенка, и только после ее смерти монахи поняли, что она никак не могла совершить то, в чем ее обвинили.

Среди ранних монашеских центров самым прославленным считается поселение, созданное в конце IV в. в удаленной части Синайского полуострова. Центр был построен, чтобы защитить Неопалимую Купину, терновый куст, в котором Бог явился Моисею. Произошло это у подножия Святой горы, где позднее он получил скрижали Завета. Эти главные этапы исхода детей Израилевых из Египта на их долгом пути к Земле обетованной были отмечены группой христианских аскетов, которые построили возле Неопалимой Купины башню. Когда в начале 380-х гг. их посетила паломница Эгерия, пришедшая с Запада, она прочитала вслух соответствующие части книги «Исход», где рассказывается история о Моисее. В VI в. монахи обратились к императору Юстиниану с просьбой защитить их от набегов местных бедуинов, и он приказал построить вокруг Купины крепость. Историк Прокопий описал этот район как необитаемый, заявив, что там только голая бесплодная земля, неорошаемая и не дающая ни урожая, ни зерна, ни каких-либо других полезных вещей.

Гарнизон, посланный, чтобы охранять монахов от атак племен пустыни, возвел массивные стены, которые существуют по сей день. Используя местный вулканический камень, архитектор Стефан из Акабы (Эйлат) спроектировал базилику, посвященную Богородице, на балках крыши которой есть надпись о щедрости императора и императрицы (Феодора умерла в 548 г.), а также его имя. Первоначальная форма церкви не изменилась, сохранились и первые деревянные двери. Через несколько лет после освящения базилики местный аббат заказал великолепную мозаику для украшения апсиды – изображает Преображение Господне. Мы видим свет, окружавший Христа в Гефсиманском саду, а также пророков Моисея и Илию, которые были свидетелями присутствия Господа на горе Синай. Многочисленные паломники шли сюда вслед за Эгерией и несли монастырю дары: иконы, предметы для литургии и денежные пожертвования, которые помогли монахам выжить в самом недружелюбном окружении. Постепенно община собрала блестящую коллекцию манускриптов, написанных на разных языках, и религиозных образов, в том числе знаменитые изображения Христа, Богородицы с младенцем Иисусом и святых, апостола Петра.

После арабских завоеваний VII в. Синай перешел под контроль мусульман и стал изолированным от христианского мира. Монахи обеспечили свою независимость, установив взаимовыгодные соглашения с местными бедуинскими племенами, которые были подкреплены документом, «подписанным» пророком Мухаммедом, якобы давшим монахам разрешение оставаться на Синае. Всякий раз, когда мусульманские правители угрожали общине захватом, монахи предъявляли «руку пророка». Более поздняя копия с изображением руки Мухаммеда (он не мог написать свое имя) сохранилась в монастыре по сей день. В Средние века и монахи, и синайские арабы благополучно сосуществовали вместе, чему в немалой степени способствовали христианские и мусульманские паломники к Святой горе, а

также к св. Екатерине Александрийской и ее мощам. Сегодня монастырь Св. Екатерины на горе Синай представляет самые ранние традиции христианского монастицизма, живую связь с IV в. и даже глубокой древностью – ветхозаветной историей о Моисее. В 2006 г. иконы выставлялись в Лос-Анджелесе, а потом и в Лондоне, откуда вернулись в свою пустынную крепость.

В то время как пустынные монастыри Египта, Палестины и Сирии продолжали вдохновлять аскетов, вражеские вторжения, кульминацией которых стало арабское завоевание Ближнего Востока в 640-х гг., вынудило многих искать убежища на севере. Некоторые нашли дорогу в Константинополь или Рим и адаптировали свою деятельность к более филантропической роли в городском обществе. Сначала императоры запрещали монахам появляться в Константинополе, считая, что они не приспособлены к городской жизни, поскольку аскетизм основывался на отказе от цивилизованного мира и бегстве в уединенные пустынные места. Но к середине V в. монастыри все чаще стали появляться в городах. Еще до 454 г. сенатор по имени Студий соорудил на своей земле базилику – в юго-западной части Константинополя, где монахи поклонялись святой реликвии – голове св. Иоанна Крестителя. Монастырь оставался главным из подобных заведений столицы до XIV в. Другие городские монастыри создавались в жилых домах – основывались их владельцами. Таким был монастырь, посвященный святым Меланиям. Старшая Мелания путешествовала по Средиземноморью и одаривала монашеские общины в Иерусалиме. За ней последовала Мелания-младшая, ее внучка, которая перебралась из Италии на Елеонскую гору.

Приходская церковь епископов и монашеская – духовных общин – две ветви греческой ортодоксии, христианского мира правильной веры, как определено по-гречески Вселенскими соборами. Они были связаны общей приверженностью к ежедневным ритуалам – молитвам. Они также имели кодекс церковных законов, включавший все каноны Вселенских и местных соборов, а также дополнительные монастырские правила, шедшие от св. Василия и каппадокийских Отцов Церкви. К VI в. все это было суммировано в четкую систему церковного права, которую использовали, чтобы регулировать церковные вопросы, такие как возраст поступления в монастырь или порядок посвящения в духовный сан. Эта система сосуществовала со светским правом и привлекала императорские эдикты, посвященные вопросам, связанным с христианством. Хотя каноническому праву не обучали столь же системно, как светскому, но первое постепенно обросло комментариями, руководствами и сборниками судебных решений – все это облегчало его использование и было очень полезно на практике. В начале XIII в. архиепископ Охридский Димитрий Хоматин (Хоматиан) разработал систему применения законов Юстиниана, а также канонического права для решения проблем, таких как, к примеру, соращение девственницы женатым мужчиной. Прелюбодей должен был выплатить девушке денежную компенсацию или отдать ей половину своей собственности, и местный прелат обязывался исключить его из общины на семь лет.

Также константинопольские патриархи председательствовали в синоде или суде, где слушались дела, касавшиеся священнослужителей, и выносили суждения по таким вопросам, как брак при запрещенной степени кровного родства. В 1316 г., например, патриарх Иоанн XIII судил спор относительно наследства между детьми покойного от первого брака и дочерью от второго. В следующем году синод должен был решить, кто владелец иконы Святой Девы и участка земли, изначально отданных архиепископу Лакедемонии монахиней Ефросиньей. Собственность перешла во владение другого епископа, и Ефросинья пожелала ее вернуть. Многие дела касались богатства церкви, но немало было и других – о проступках священнослужителей, инцесте, недолжном использовании магических заклинаний и других аналогичных практик. Все это дает интереснейшую информацию о повседневной жизни Византии.

Церковь располагала собственной администрацией, но император всегда стремился иметь патриарха своим союзником. Теоретически он был ограничен возможностью выбора одного из трех кандидатов, имена которых подавались ему священнослужителями кафедральной церкви Константинополя. Однако во многих случаях выбирался посторонний кандидат – младший сын императора или пользовавшийся императорской благосклонностью монах. Конфликты относительно подобных или более серьезных проблем нередко приводили к прекращению сотрудничества, и патриархи могли быть смещены императорской властью. Св. Иоанн Златоуст, избранный в 398 г., стал одной из первых и самых известных жертв этой практики. В 404 г. он был сослан в Армению, поскольку осудил императрицу Евдоксию за возведение статуи самой себе с проведением проверенных временем шумных языческих церемоний, и тремя годами позже патриарх умер. Все это время в письмах своим сторонникам он заявлял о полной собственной невинности. В 907 г., когда Лев IV женился в четвертый раз, патриарх лишил его права входа в храм на 10 месяцев. Несмотря на подобные примеры конфликтов, сотрудничество империи и церкви было одной из главных основ христианской культуры в Византии.

Оно также отличало Византию от средневекового Запада, где ведущий епископ – римский – имел намного меньше светской поддержки, и ему приходилось регулярно вести переговоры с захватчиками. Хотя Рим был возвращен под имперский контроль в VI в. и оставался под номинальным византийским правлением до VIII в., имперские чиновники и войска часто не могли защитить город от вражеских нападений. Наследники св. Петра – таковыми считали себя римские епископы – подчеркивали свое моральное превосходство, которое, вероятно, должно было компенсировать их политическую слабость. В V в. был принят термин «папа». И хотя ко всем христианским священникам обращаются «отец, отче», для римских епископов термин «папа» стал титулом. Независимо от того, признавались римские претензии на моральное превосходство или нет, для недовольных восточных клириков и монахов, осужденных патриархом или императором, стало привычным обращение в Рим. Таким образом они надеялись приобрести поддержку христианских властей за пределами империи.

Такая практика, противопоставившая старый Рим Новому, видна в просьбах инакомыслящих о поддержке, к примеру во время иконоборческой кампании (см. гл. 10), и когда Лев VI был отлучен патриархом от церкви за четвертый брак. Император обратился к папе и с удовольствием узнал, что Рим не возражал против его женитьбы. В 907 г. это положило начало расколу между Константинополем и Римом, который удалось преодолеть только спустя 13 лет. Подобные обращения к престолу св. Петра – и тех представителей Востока, которые были осуждены и изгнаны, или патриархов, считавших, что их сместили несправедливо, усиливали позицию папы как арбитра последней инстанции в христианских спорах. В глазах лидеров восточной церкви, не спешивших признавать главенство папы, эти обращения также создавали весьма опасный прецедент.

В период правления Константина IX Мономаха (1042–1055) эта латентная враждебность переросла во взаимные обвинения. Контакты между старым и Новым Римом привлекли внимание к различиям между практиками восточной и западной церквей. Некоторые были фундаментальными: формулировка Символа веры, какой хлеб использовать в евхаристии (дрожжевой, *zumos*, – на Востоке или бездрожжевой, *azyme*, – на Западе), могли ли священнослужители вступать в брак (целибат был обязательным для всех священнослужителей в Западной Римской империи, но в Восточной отдельным категориям служителей церкви разрешалось жениться), а также главенство римских епископов. Другие различия были сравнительно не важны и спокойно сохранялись на протяжении веков: например, жители Востока на неделе перед Великим постом ели сыр, а не мясо, а на западе его не ели в определенные постные дни. Но на фоне большей осведомленности, созданной такими реформаторами, как Лев IX (1049–1054), Запад отстоял чистоту своих традиций. В свою оче-

редь, Византия не уставала подчеркивать, что Запад добавил фразу к формулировке Символа веры.

Важнейшая теологическая разница касается происхождения Святого Духа, который «исходит от Отца», согласно определениям соборов в Никее в 325 г. и в Халкедоне в 451 г. Ортодоксальное учение о Троице вполне ясно: три проявления Бога – Отец, Сын и Святой Дух – единосущны. Но каждый имеет собственную *hypostasis* – ипостась – термин, очень трудный для перевода. На латынь его переводили как *natura* (природа) или *sustantia* (сущность). Это не то же самое, что та предсуществующая сила, которую ортодоксальная церковь идентифицировала как природу или сущность, *ousia*, божества. Сложные отношения, определенные на греческом языке ранними христианскими теологами, никогда полностью не отражались в латинском переводе. Этот факт был признан еще в V в. св. Августином.

Отношения Сына (*Logos*, Слово) и Святого Духа (*Pneuma*) считаются не одинаковыми, Сын рождается от Бога Отца, а Святой Дух исходит от Отца. Сын участвует в этом процессе, занимая положение посредника, давая начало формуле: «Святой Дух исходит от Отца через Сына» (*dia tou Hyiou*). Так эти отношения понимал Максим Исповедник в VII в. Тем не менее примерно в это же время в Испании к Символу веры был добавлен оборот «и от Сына» (на латыни – *filioque*). Благодаря авторитету св. Исидора Севильского эта формулировка распространилась и на другие церкви. Рим не принял ее сразу. В начале IX в. папа Лев III установил щиты с традиционной формулировкой Символа веры на греческом языке и латыни у входа в собор Св. Петра. В 879–880 гг. на Константинопольском соборе формулировку «Святой Дух исходит от Отца и от Сына» осудили как еретическую, назвав ее недопустимым изменением к Символу веры, как он был определен Вселенскими соборами 325 и 451 гг. Однако в XI в. Рим принял указанное выше дополнение и, таким образом, подтвердил новую трактовку Святого Духа, которую так никогда и не признали на Востоке. В 1054 г. Константин IX предложил папе Льву IX отправить делегацию в Константинополь, чтобы обсудить создание эффективного византийско-папского союза против норманнов в Северной Италии. Три римских посла были известны своей враждебностью к Византии, хотя вели себя исключительно вежливо по отношению к императору. Но их лидер, кардинал Гумберт Сильва-Кандидский, немедленно схлестнулся с патриархом Михаилом Керуларием. После нескольких бурных дискуссий 16 июля он возложил на алтарный престол храма Св. Софии отлучительную грамоту на Восточную церковную иерархию. Керуларий отреагировал очень быстро. В это время умер папа Лев IX, оставив папский престол вакантным. Эти события иногда называют «Великой схизмой» – расколом между христианскими церквями – Востока и Запада. Отлучения считались личными и были быстро сняты, а регулярное взаимное поминовение лидеров церквей Рима и Константинополя восстановлено.

Когда Алексей I Комнин (1081–1118) потребовал свидетельства прекращения отношений между церквями, в библиотеке патриарха не было найдено ни одного документа. Константинополь и Рим остались едиными, многие жители Запада посещали восточные церкви и наоборот. Обращенная к папе просьба Алексея Комнина о военной помощи основывалась на общих христианских традициях и привела к Первому крестовому походу. Результатом стало возвращение Иерусалима (см. гл. 24). Задним числом, однако, раскол 1054 г. принял более масштабный характер, и уже последующие крестовые походы использовали его как оправдание своего желания атаковать Константинополь.

Вряд ли стоит удивляться тому, что между двумя основными епархиями христианского мира различия со временем только усиливались. В Константинополе говорили по-гречески, а в Риме в ходу была латынь. Перевод с одного языка на другой зачастую оказывался, мягко говоря, неточным. В отличие от средневекового Запада на Востоке священнослужители рангом ниже епископа могли вступать в брак. Целибат требовался только от восточных епископов, так что, если женатый священнослужитель избирался епископом, ему приходилось

расстаться с супругой, а ей – пойти в монастырь, расположенный подальше от его епархии. На Западе celibat медленно становился требованием для всех клириков, имевших духовный сан. Женатые мужчины продолжали становиться епископами и желали, чтобы сыновья унаследовали их церкви. В одном различие оставалось очевидным: западные церкви использовали бездрожжевой хлеб, который стал просфорами, в евхаристии, а восточные – раздавали дрожжевой хлеб, больше похожий на булочки. Коленопреклонение было больше свойственно Западу, чем Востоку, где священнослужители в определенные моменты литургии падали ниц у алтаря. Местные обычаи добавляли разнообразие, особенно в вопросе постов: на Востоке мясо ели по субботам, но оно было запрещено в этот день в некоторых церквях Запада, которые готовились к воскресенью, соблюдая пост.

Церкви тем не менее едины в общем стремлении заботиться о христианских душах и способствовать обращению тех, кто не знает, что такое вера в Иисуса Христа. В Византии много людей жило в деревнях, где о нуждах паствы заботились женатые священники. Они крестили и женили детей, хоронили умерших, следили за моральным обликом жителей. В крупных городах эту роль выполняли епископ и его штат. Епископ подчинялся митрополиту или архиепископу, который жил в столице архиепархии. Такая структура зафиксирована в иерархии церковных епархий, которая идет от константинопольского патриарха через несколько рангов митрополитов до епископа. В поздний византийский период многие епархии в европейских провинциях приобрели важность и переместились вверх по списку, приобретая более высокий ранг, за счет тех, что находились в Малой Азии, разоренные и обнищавшие из-за постоянных войн.

Гора Афон оставалась маяком для аскетического монашества, а местные монахи и святые люди постоянно побуждали мужчин и женщин посвятить свою жизнь Богу, направляя их духовную жизнь. Когда юный Лука Стирит в начале X в. ушел из дома, он узнал о столпнике в местечке Земена на Пелопоннесе и попросил разрешения служить ему. Несколько лет он изучал аскетические практики вместе со столпником, после чего поселился отшельником на горе Иоанница. Со временем его ученики и последователи основали на этом месте монастырь, и местный губернатор – генерал Кринит – финансировал постройку первой церкви, посвященной св. Варваре, покровительнице военных. Позже община воздвигла на его могиле церковь Св. Луки, соединив ее с церковью Теотокос (Богородицы), таким образом создав в Стирии двойную конструкцию. Слава о чудесах, происходивших на могиле Луки, распространилась очень широко. Ее следствием стали многочисленные дары и денежные пожертвования, позволившие украсить его церковь изысканными мозаиками и фресками, которые сохранились до наших дней. Получая такие дары, монастыри часто становились очень богатыми и могущественными организациями. При этом важно помнить, что их ресурсы основывались не только на императорском покровительстве, но также на искренней вере многочисленных крестьянских семейств, чья преданность ортодоксии была типичной для Византии.

Конечно, не все были согласны с господством христианства в обществе. Ему бросали вызов такие интеллектуалы (или еретики, как посмотреть), как философ Иоанн Итал и харизматичный болгарский лидер Василий Богомил – в начале XII в., или Георгий Гемист Плифон (тоже философ, приверженец языческой религии) в XV в. Но в целом ересь была менее распространена, чем на средневековом Западе. Теологические споры часто вскрывали характерное смешение элементов в византийской культуре. Итал и Плифон представляли философские традиции и культы Древней Греции; Василий – вариации в рамках средневековых религиозных ритуалов. Пусть Византия была хранилищем всех христианских традиций, написанных на греческом языке, но она также сохранила поэмы и рассказы о древних богах, их храмах и статуях.

Я подчеркивала неизменную силу, которую классическое языческое наследие дало Византии при посредстве образовательных, управленческих и культурных традиций. Они объединялись системой веры, которая являлась конкретно и сознательно ортодоксальной, решительной в развитии христианских определений, предусматривавших разный опыт – для мужчин и женщин, отшельников и общин. Именно при посредстве своей религии Византия вела великие споры не только с мусульманами, арабами и турками, но также с другими христианами, особенно западными. Веками эти споры приводили к одному результату – отказу Византии принять подчиненное положение по отношению к римским епископам. Теологическая изощренность упрямой и настойчивой греческой ортодоксии создала характерную систему веры и слаженной согласованной власти, благодаря взаимодействию патриарха и императора в ее центре. Даже если императоры сражались и умирали как греки и римляне, они желали, чтобы их похоронили и за них молились как за христиан.

Глава 5

Храм Святой Софии

Огромный сфероидальный купол, покоящийся на этом круглом здании, делает его исключительно прекрасным. И кажется, что он покоится не на твердом сооружении вследствие легкости строения, но золотым <полу>шаром, спущенным с неба, прикрывает это место.
Проконий. О постройках

Хотя Йитс назвал свою поэму, написанную в 1928 г., «Плавание в Византию», он никогда не был в Стамбуле. Он посетил Равенну и видел там византийские мозаики, но так и не испытал волнующий опыт прибытия в Византию морем. Подходя со стороны Дарданелл через Мраморное море, с нетерпением ожидаешь появления вдалеке Старого города. И вот наконец на горизонте появляются крепостные стены, а вслед за ними и минареты, окружающие купол собора Св. Софии. Это удивительно волнующий момент. Именно с моря я впервые увидела все это, когда была еще студенткой, и это впечатление запомнилось на всю жизнь, несмотря на изобилие небоскребов в современном Стамбуле, – постепенно увеличивающиеся очертания громады церкви на фоне яркого неба. Ее огромный купол поражает даже издали, но изумляет еще больше, когда становятся видны массивные опоры, его поддерживающие. Если обогнуть мыс Сераглио, церковь можно увидеть с другой стороны.

Если внешний вид постройки изумляет, его внутреннее убранство вселяет почтительное благоговение. Освещенные солнечными лучами через окна в куполе и вдоль галереи в вышине мерцают золотом мозаики, а внизу намного темнее. И лишь когда глаза привыкнут к этому немного странному контрасту, можно оценить разноцветные мраморные украшения стен и пола, а рассмотрев резные капители на великолепных колоннах, невольно возвращаешься взглядом к куполу. Этот памятник – всеобъемлющий символ Византии.

Впечатление средневековых посетителей, вероятно, было еще более сильным, поскольку они видели немного крупных построек. Церковь освещалась тысячами свечей и лампами, висевшими перед иконами, озарявшими цветной мрамор и мозаики. С центрального амвона, резной платформы вроде кафедры, расположенной перед тяжелым занавесом, отделявшим главное помещение церкви от священного места вокруг алтаря, читал отрывки из Библии дьякон и проповедовал патриарх. Послы киевского князя Владимира говорили ему: «Мы не знали, где мы находились – на небе или на земле, мы не можем описать это тебе, но одно только мы знаем точно, что Бог живет там среди людей. Мы не можем забыть эту красоту».

Во время освящения церкви 27 декабря 537 г. на стенах не было изображений, за исключением четырех огромных серафимов, которые до сих пор смотрят сверху вниз на верующих, а их крылья расправлены по парусам свода. Господство золотой мозаики в боковых проходах и галереях перекликалось с куполом, украшенным массивным крестом в медальоне.

Форма церкви была совершенно новой. Многие ранние христианские церкви имели план базилики, базировавшийся на императорских залах для приемов. Эти длинные высокие сооружения, которые сохранились в церкви Св. Сабины в Риме и в базилике, построенной Константином в Трире – в Германии, легко приспособлялись для церковных нужд добавлением возвышения в восточной части для алтаря. Раки для мощей святых мучеников, часто устанавливавшиеся вокруг гробницы, подсказали альтернативную форму – с галереями, окружавшими центр, как в церкви Св. Констанции в Риме. Купол был известен римским

архитекторам и использовался в Пантеоне – круглое отверстие в вершине купола открывалось к небу, но о Востоке того же самого сказать нельзя – по крайней мере, тому нет явных свидетельств. Предшественниками купола церкви Св. Софии были небольшие купольные постройки в Исахии, которые демонстрировали наличие опыта у строителей. Но никто в Константинополе никогда даже не пытался построить такой огромный купол до тех пор, пока Юстиниан не начал строительства нового храма Святой Мудрости.

Чтобы понять, сколь необычной была его задача, я сначала коротко остановлюсь на дохристианских художественных традициях, которые Византия использовала для создания собственных, отличных от других стилей. Самым очевидным наследием Античности стало имперское изобразительное искусство: изображения правителей (статуи, рельефы и портреты в мозаике и на монетах) и их регалий (короны, державы и скипетры, брачные пояса, одежды из королевского пурпура и красные сапоги). Византия приспособила для христианского использования декоративные художественные техники при создании таких архитектурных элементов, как колонны, капители и рельефы, украшавшие надгробные памятники и саркофаги. Также византийские ремесленники совершенствовали древние навыки работы с драгоценными металлами, эмалью, слоновой костью и горным хрусталем. Они отлично умели чеканить монеты, делать резные изображения из бивней слона, работать с разными цветами мрамора, чтобы изготавливать полихромные полы и стеновые покрытия, вплетать сложные разноцветные узоры в шелк. До VI в. шелковую ткань везли из Китая и Персии. Она ценилась очень высоко, и ее даже расплели, чтобы получить нить для римских и византийских ткачей. Когда был раскрыт секрет жизни шелкопряда – предположительно монахами, которые тайком вывели немного червей из Китая и подарили их Юстиниану, посадки шелковицы, которая является их любимой пищей, дали начало новой промышленности в Византии. После арабского завоевания Персии и Ближнего Востока в VII в. шелковые производства Тира и Сидона были перевезены за Таврские горы, а потом в столицу. Было решено шелководство и в провинции, а изготовление пурпурной краски из маленьких моллюсков, которых выращивали у берегов Греции и Малой Азии, поощрялось освобождением от налогов.

Шелкоткачество сконцентрировалось на императорских фабриках в Константинополе и считалось государственной монополией. Строгий контроль осуществлялся на каждом этапе производства, которое организовывалось группами опытных рабочих. На ткани традиционно изображались в ярких тонах львы, орлы, грифоны, охотники, амазонки или колесничие – иными словами, предметы светские. Христианские темы, такие как сцены из жизни Христа, были распространены меньше. В VII и VIII вв. производство развивалось так быстро, что римские епископы с удовольствием получали дары из византийского шелка, как те, что привез в Рим хазарский иконописец Лазарь Константинопольский в 857–858 гг. Посольство, отправленное к западному императору Людовику Благочестивому в 824 г., среди прочих дипломатических подарков привезло 10 образцов шелка разных цветов.

Среди других предметов роскоши изготавливали эмали и золотые украшения, брачные пояса и кольца с традиционными изображениями Омнии, к которым добавляли образ Христа, благословлявшего вступающих в брак. Золотая филигрань и серьги с эмалью, подвески и браслеты – все это продолжало смешение древних и христианских тем. Такая же связь божественной и светской власти видна на монетах и резных дисках из слоновой кости, где Христос коронует императора, тем самым выражая небесное одобрение своему земному представителю. При создании манускриптов окрашивание пергамента в пурпурный цвет и нанесение надписей на него серебряными чернилами также являлись продолжением древней практики. Иллюстрированные копии Илиады и Одиссеи, обычно на папирусе, стали образцами для библейских текстов, разрисованных средневековыми художниками, – получалось нечто в стиле комиксов.

После первоначального акцента на символические черты христианства (хлебы и рыбы, знак Креста) художники стали изображать лидеров – Христа, Богородицу, святых мучеников. Византийские портреты святых людей выполнялись техникой энкаустики – живописи восковыми красками с помощью горячих инструментов. Раньше ее использовали для римских погребальных портретов. Религиозные иконы часто считаются основной чертой византийского искусства. Как они стали таковой, ученые спорят до сих пор. Я изложила свое видение проблемы в главе 9. Самые ранние иконы сохранились в монастыре Св. Екатерины на горе Синай, где есть три потрясающие иконы, часто ассоциирующиеся с покровительством императора: знаменитые образы Христа Пантократора, Святой Девы с Младенцем, святыми и ангелами и св. Петра. Икона Христа была написана позже и потому до реставрации не идентифицируется как работа VI в. Она взирает на зрителя большими всевидящими глазами, отличными по форме и функции: представляется, что один строго осуждает, а другой прощает. Иконы Святой Девы и св. Петра не обращаются к зрителю так прямо. На всех трех иконах фигуры на фоне архитектурного задника. Такие энкаустические работы поражают воображение, они яркие, смелые и оказывают сильное воздействие. Они отлично передают человеческие черты, особенно глаза и оттенки кожи. Техника не сохранилась до Средних веков – ее заменил яичный желток для фиксации цвета.

Во всех этих областях византийские мастера приспособливали древние техники к новым задачам. Но для сооружения Св. Софии они испробовали нечто доселе неслыханное. Контекст нового опыта – в ранних годах правления Юстиниана. Юстиниан стал императором в 527 г. после смерти его дяди Юстина, который привез его в Константинополь и подготовил на роль своего наследника. В отличие от Юстина, успешного военного командира, но человека необразованного, Юстиниан был знаком не понаслышке с вопросами управления, права, теологии и придворными церемониалами. Во время десятилетнего правления дяди он играл важную роль при дворе и являлся ответственным за серьезные изменения в политике. Как мы видели, он настоял на пересмотре закона, запрещавшего сенаторам жениться на простолюдниках, – чтобы сделать Феодору своей женой, несмотря на неодобрение дяди и тети – императрицы Лупицины Евфимии. Став единоличным правителем, Юстиниан сразу проявил инициативу: реформировал правовую систему, навязал более высокие налоги, возобновил войну с Персией. Он назначил военачальников, чтобы те вели сражения за империю, а сам большую часть времени проводил в столице. Где и когда он приобрел страсть к строительству, неизвестно.

В 532 г. «голубые» и «зеленые» – партии, отвечавшие за развлечения на ипподроме, бросили вызов императорской власти. Обычно они враждовали, но в этом случае объединились в своей враждебности финансовой политике Юстиниана и провозгласили императором Ипатия, племянника Анастасия I. Преодолевая возражения супруги, Ипатий неохотно согласился, и на ипподроме собрались толпы, чтобы стать свидетелями его облачения в императорский пурпур. Мятеж был назван «Ника» – это слово скандировали участники. Чтобы усилить угрозу, «зеленые» и «голубые» подожгли центр города, и довольно большая территория оказалась выжженной дотла, в том числе и базилика Св. Софии. Прокопий пишет, что Юстиниан встретился со своими советниками во дворце. Надо было решить, что делать. Обсуждался план бегства из дворца на лодках. Но тут императрица Феодора – та, которая умела; владеть вниманием толпы, выступила вперед и заявила, что не готова бежать. Она вспомнила древнее изречение, что пурпур – лучший саван, и сказала, что если ей суждено умереть, то она предпочтет это сделать в императорском одеянии. Вдохновленный решимостью супруги, Юстиниан решил не бежать, а применить против мятежников силу. На ипподром стянули войска, и началось массовое убийство безоружных византийцев.

Феодора оказалась не первой из женщин (но определенно одной из самых удивительных), пользовавшихся большой властью в Византии. Нередко они были людьми посторон-

ними, выступающими за автократическую власть, которую подчинили своей воле, и являлись ответственными за большое кровопролитие. Императорские жены и вдовы проявляли инициативу, немыслимую в других средневековых обществах. Даже если формулировки, которые Прокопий приписывает Феодоре, являются вымышленными, истории о ее вмешательстве наверняка неоднократно пересказывали во дворце и в городе. Ее примеру хотели следовать другие женщины. Императрицы, такие как Ирина (780–790, 797–802), Феодора (842–856), Зоя (914–919) и Феофано (969), хотя им всегда покровительствовали, да и писали о них только мужчины, несомненно, формировали и направляли императорскую власть.

Такие женщины, как Феодора, оказавшаяся в правящей династии благодаря браку, быстро научились использовать возникавшие при дворе напряженные ситуации к собственной выгоде. И карьера Ирины является ярким свидетельством такого умения: она напряженно трудилась, чтобы заручиться поддержкой дворцовых группировок и церкви, чтобы возвыситься до положения императора. Эта женщина ослепила своего сына Константина VI и пять лет правила одна (см. гл. 10). В противоположность упомянутым выше женщинам, те, кто принадлежали к императорской семье по праву рождения, – Зоя и ее сестра Феодора в XI в., или Анна Комнина в XII в., были с ранних лет специально обучены придворным церемониалам и филантропическим обычаям двора. Но и они удивили своих современников и сыграли более серьезную роль, чем было дозволено женщинам в те времена. Зоя и Феодора господствовали в период 1028–1056 гг., когда они правили вместе или поодиночке и продвинули пять разных мужчин на императорский трон. После смерти Зои Феодора управляла империей единолично и выбрала своим преемником Михаила VI. Таким образом, наследие супруги Юстиниана прослеживается на протяжении веков, отражая память о яркой личности и невероятном, но удивительно удачном браке.

Для выжженных участков, образовавшихся после пожара в центре Константинополя, Юстиниан разработал грандиозный план восстановления, сконцентрированный вокруг Августеума – большой площади, посвященной императорам. К северу он поместил две главные церкви – собор Божественной (Святой) Мудрости, Св. Софии, и церковь Святого Мира (Св. Ирины). К югу и западу он планировал восстановить здание сената, части патриархата, хоспис Самсона (благотворительное учреждение) и ворота Халки – главный вход в Большой дворец. Также он восстановил общественные бани – термы Зевксиппа и галереи – колоннады по обеим сторонам главной улицы, Мезе, до самого форума Константина.

Решая вопрос о форме кафедральной церкви, Юстиниан мог испытывать влияние со стороны богатой дамы, проявлявшей большую строительную активность, Юлианы Анисии, которая недавно завершила перестройку и реставрацию храма Св. Полиевкта, расположенного у акведука Валента. Неясно, имела ли эта церковь купол или наклонную крышу, но Юстиниан был уверен, что церковь Св. Софии должна быть больше и красивее. Он не жалел расходов на строительство, которое началось сразу после мятежа. Император нанял двух инженеров – Исидора Милетского и Анфимия Тралльского (который также считался отличным математиком), чтобы построить большой купол – диаметром 31 м – над нефом церкви на высоте 55 м от фундамента – ничего подобного раньше не было. В панегирическом трактате императору – «О постройках» – Прокопий Кесарийский описывает технику, которая использовалась для осуществления этого беспрецедентного проекта. Церковь построили через пять лет после мятежа. Прокопий, возможно, был одним из молившихся, которые присутствовали на освящении новой церкви сразу после Рождества 537 г. Однако он не мог объяснить, каким образом конструкция поддерживает пронизанный сорока окнами большой купол, через который солнце проникало в обширное помещение. По его словам, все сооружение парило.

В то время как существование более ранних куполов указывает на то, что необходимый инженерный опыт у строителей имелся, размеры церкви все же являлись исключительными. Чтобы возвести крышу, нужны были прочные конструкции на каждом углу квадратного фун-

дамента, откуда вверх изгибались паруса в форме половины ромба, чтобы держать круглое основание купола. С востока и запада полусводы на более низком уровне защищают апсиду и закрывают двойной притвор, через который люди входят в церковь, минуя семь дверей. Центральные и самые большие двери предназначались для патриарха и императора, которые приветствовали друг друга перед тем, как войти в главное помещение церкви. Внутри разноцветный мраморный пол доходил до боковых стен, и множество цветных колонн поддерживали декоративную резную панель, проходившую вокруг здания. Капители сохранили буквы императорских имен – Юстиниана и Феодоры, а потолки в галереях были покрыты золотыми тессерами. Говорят, что, впервые увидев готовое здание, император воскликнул: «Соломон, я превзошел тебя!» Несомненно, он желал быть причисленным к той же категории людей, что и величайшие известные строители. Результатом трудов Анфимия и Исидора стала по праву завоевавшая известность архитектурная инновация, не знавшая себе равных в течение всего следующего тысячелетия.

На площади Августеум, украшенной классическими статуями императоров, Юстиниан поставил собственную колонну, на которую водрузил конную статую. На ней был изображен сам император в персидской военной форме – ссылка на римские победы над Персией, достигнутые Велисарием. Юстиниан восстановил здание сената с великолепными мраморными колоннами, поддерживающими портик, украшенный цветным мрамором. На его крыше много статуй. Также Юстиниан стал инициатором постройки двух новых хосписов и очень большой цистерны, которую сегодня называют Йеребатан Сарай – немного западнее Св. Софии. Иными словами, Юстиниан оставил вполне отчетливый след в самом центре города Константина.

Спустя 21 год в ходе сильного землетрясения в куполе появились трещины. Когда их устранили, рухнула восточная часть полусвода над алтарем. Посоветовавшись с другими экспертами-строителями, Исидор-младший, сын инженера, создававшего собор, решил обеспечить безопасность купола, подняв его на семь метров, сделав его уже и круче. Он снова был украшен таким же золотым мозаичным исполнением монументального Креста, а самой перестройке посвятил свое длинное стихотворное произведение придворный по имени Павел. Там говорится о смешении цветов, достигнутом благодаря использованию разных мраморов для колонн: зеленого – из Каристоса, Лаконии и Фессалии, пятнистого – из Фригии, белого – с Проконнеса, что в Мраморном море, других – из Ливии и Лидии. Павел документировал использование оникса, большого количества драгоценных металлов и занавеса, отделявшего основное помещение церкви от апсиды (*bema*) – все это было украшено образами Христа, Богородицы и святых. Алтарную часть сделали предметом гордости серебряные диски с теми же образами, а амвон полностью покрыли серебром.

В своем труде «О постройках» Прокопий дает подробные описания храма Св. Софии и многих церквей в других городах, фортификационных сооружений, бань, дорог, мостов и гостиниц, где имперская почта меняла лошадей. Все это было создано при Юстиниане. Финансовое положение империи существенно поправилось благодаря императору Анастасию, и, очевидно, в распоряжении Юстиниана оказались неограниченные ресурсы, чтобы удовлетворить его жажду строительства: армия обеспечивала инженерную технику и мускульную силу, сотни строителей и ремесленников делали мозаику и мраморные детали, которые украшали многочисленные церкви, посвященные Богоматери, – такие как, например, Новая церковь в Иерусалиме. Юстиниан требовал лучших инженеров, самых искусных ремесленников и заставлял их почувствовать величие его замыслов. Стоимость этих построек, должно быть, оказалась тяжелым бременем для имперских финансов, хотя составление бюджета – проблема очень сложная (см. гл. 14). Рассказ Прокопия – панегирик императору, возможно, написанный, чтобы получить хорошую должность. Тот же автор документировал императорские кампании против вандалов и персов в труде «О войнах». Он

сопровождал императора Велисария в качестве гражданского лица, его свидетельство очевидца сражений и переговоров стало увлекательной историей в классическом стиле. В ней много подробной информации о стратегии Юстиниана, направленной на восстановление Римской империи. Правда, об авторе нам известно лишь немногое.

В «Анекдоты» или «Тайную историю», с другой стороны, Прокопий внес то, что не мог включить в другие свои труды. Это происхождение императрицы и ее карьера цирковой артистки, ее грубое обращение с придворными и упорное преследование религиозных противников. Все это изложено как результат слабости Юстиниана и его неспособности противиться жене. Немалую роль, по мнению Прокопия, сыграли и собственные дьявольские деяния императора. Автор писал о его способности долго не спать и обходиться минимумом пищи, связывая эти качества со сверхъестественными силами и коварным намерением уничтожить социальную ткань империи. И император, и императрица были выходцами из низов, не доверяли аристократии и старались снизить ее традиционное господство. Но здесь явное осуждение Прокопия контрастирует с его взвешенным повествованием о военных кампаниях и восхвалением созданных тогда построек. Труд назван «Тайная история», потому что не был опубликован при жизни автора, – его обнаружили только в XVII в. в Риме в виде манускрипта. Сначала ученые считали, что он написан другим Прокопием, но Аверил Кэмерон доказал, что все три труда создал один автор. Прокопий Кесарийский, несомненно, был многогранным автором, и мотивы, подтолкнувшие его к столь разным, пожалуй даже противоречащим друг другу, подходам, являются предметом для размышлений современных читателей.

Юстиниан правил долго – почти сорок лет – и многого достиг. Но все же самым величественным и прекрасным его творением является храм Св. Софии. По большим праздникам, когда императорская чета посещала там службы – при этом император находился вместе с патриархом, а императрица сидела на юго-западной галерее, они имели возможность оценить все великолепие византийской литургии в Св. Софии. В отличие от остальных мирян правители могли входить и в те части святыни, в которые допускались только священнослужители – например, когда меняли алтарный покров или приносили короны. Все многочисленные описания храма подчеркивают блеск и мерцание света бесчисленных ламп – одни были подвешены под куполом, другие высвечивали очертания отдельных конструкций. Именно свет производил столь ошеломляющее впечатление.

Потрясение, которое неизменно выражали посетители храма, было свойственно и самим византийцам, не понимавшим, как удалось возвести такое грандиозное сооружение. Арабы, например, восхищались огромными часами с 24 дверями, которые открывались и закрывались, отмечая время. Вокруг Св. Софии сложилось много легенд, от трактата «О постройках» (*Account of the Construction*) до текстов русских паломников и греческого фольклора. В трактате описано, как Юстиниан создавал план этого сооружения, задумав использовать для его дверей дерево от Ноева ковчега, как ангел наблюдал за строительством, чтобы удостовериться, что постройка не развалится, и потребовал, чтобы рабочие сделали тройное окно в апсиде в честь Святой Троицы. Эти легенды остались в памяти народа и с небольшими вариациями периодически возникали в разных странах. Храм Св. Софии, веками остававшийся самой большой церковью христианского мира, продолжал поражать воображение.

Церковь Святой Мудрости также подвигла султана Мехмета (Мехмеда) II на сооружение мечети, которую он построил на месте императорского мавзолея и церкви Св. Апостолов после оккупации Константинополя в 1453 г. Это был важный символ фундаментальной перемены. Правда, здание новой купольной мечети, названной именем завоевателя, имело явно христианскую форму. Позже султан Ахмед I построил в Константинополе грандиозную Голубую мечеть, названную так из-за отделки ее голубыми изразцами, ставшую достойной

соперницей Св. Софии. Но, с одной стороны, она построена на тысячу лет позже, а с другой – располагается чуть дальше по склону, то есть ниже своего великого прототипа. После 1453 г. четыре минарета, добавленные по углам церкви Юстиниана, знаменовали переход памятника в ислам, но они лишь подчеркнули странность мечети, названной Айя-София, а гигантские размеры сооружения под куполом остались физическим символом претензии Константинополя на власть над миром. Пока он стоит, Византия всегда будет незримо присутствовать рядом.

Глава 6

Мозаики Равенны

В апсиде Сан-Витале образ того же Максимиана (Максимиана), а также императора и императрицы красиво выложен мозаикой. Агнелл Равеннский. Книга понтификов церкви Равенны, начало IX в.

Мозаики в Равенне стали моим первым и самым впечатляющим знакомством с византийским искусством. Во время Второй мировой войны они были повреждены бомбардировками союзников, но после 1945 г. копии этих шедевров VI в. показали во всей Европе, чтобы собрать средства для их реставрации. Моя мать посетила эту выставку, и ей захотелось увидеть оригиналы. Я изучала итальянский язык в школе, и мы решили, что Равенна станет превосходным дополнением к моим летним каникулам, а затем отправились из Милана на арендованном «фиате», чтобы увидеть мозаичные панели с изображениями Юстиниана и Феодоры. Только намного позднее я задалась вопросом: по какой причине изображения византийских правителей, которые никогда не были в Равенне, украшают подходы к алтарю в церкви Сан-Витале. Почему они там?

В 89 г. до н. э. Равенна, маленький городок на Адриатическом побережье Италии, был завоеван римлянами. Позже он стал столицей итальянской провинции Фламиния и Пицена. Хорошо укрепленное место с надежной гаванью в Классисе и крепкими морскими связями по всему Средиземноморью привлекло внимание императора Гонория (395–423), который правил западной половиной империи, пока его брат Аркадий правил на Востоке (395–408). Как и большинство императоров IV в., Гонорий не жил в Риме – императорская резиденция находилась в Милане. В 402 г. он решил перебраться из Милана в Равенну, которую можно было лучше защитить от набегов варваров. Под императорским покровительством Равенна начала быстро расти: увеличилась численность населения, появилось много новых построек, необходимых для осуществления эффективного управления остатками Римской империи на Западе. Сюда перебирались аристократы из Рима и других центров Запада, съезжались торговцы со всего Средиземноморья и посольства самых разных правителей, обладавших властью за пределами римского мира.

Среди тех, кто осел в Равенне, оказалась Галла Плацидия, дочь Феодосия I и младшая сестра Аркадия и Гонория. В 423 г. ее сын Валентиниан III был провозглашен *augustus* на Западе. В то время ему было только пять лет. Галла твердо взяла власть в свои руки и правила как регент более 25 лет. Она покровительствовала строительству многих «ортодоксальных» (антиарианских) церквей, одновременно поддерживая отношения с проарианской христианской фракцией. Ее базилика Св. Иоанна Теолога, вероятно, была впечатляющим памятником, соперничавшим с городским собором, посвященным Аполлинарию, местному святому, мощи которого хранились в Классисе. Базилику построили после того, как Галла Плацидия пережила жестокий шторм на море при возвращении из Константинополя. Она молилась св. Иоанну (не только евангелисту, но и рыбаку) и обещала построить церковь, если судно будет спасено. Подробности этой истории были изображены в изначальной церкви. Галле также удалось защитить имперские претензии своего сына от амбициозных генералов. В 437 г. Валентиниан женился на Евдоксии, дочери Феодосия II. Церемония была великолепна и запечатлена на мозаиках, украшавших дворец в Равенне.

Незадолго до смерти в 450 г. Галла построила собственный мавзолей с христианскими мозаиками над тремя саркофагами, предназначенными для ее останков, а также – ее мужа и сына. Мавзолей выполнен в форме креста, имеет красивые кварцевые окна, стены украшены сценами, изображающими Доброго Пастыря, голубок и оленей, пьющих из фонтана жизни,

а внутренняя сторона центрального свода – картиной звездного неба. Молебен посвящался мученику св. Лаврентию, изображенному у огня, на котором он был сожжен. Мавзолей, вероятно, относился к более крупному дворцовому комплексу, от которого сохранился мозаичный пол часовни, посвященной культу Святого Креста. При епископе Петре Хрисологе (432–450) Равенна получила шесть епископских престолов, которые раньше относились к Милану. Став бесспорной столицей Италии, Равенна дополнительно приобрела власть, соразмерную с политической, – церковную.

В 455 г. Рим был разграблен вандалами, оккупировавшими Северную Африку с жестокостью, которая установила новый стандарт и положила начало появлению термина «вандализм». Рим так никогда и не вернул свой прежний статус. Политическому упадку этого города соответствовал подъем Равенны, которая стала настоящей имперской столицей при остготском правителе Теодорихе, который в 489 г. разместил там свои правительство и двор. Он был одним из неримских военных лидеров, которых константинопольские императоры подстрекали идти на Запад и установить свою власть над раздробленными провинциями Италии. Это делалось, чтобы ослабить давление на Восток, одновременно давая солдатам-варварам имперский статус. Тем самым часто провоцировались серьезнейшие проблемы у внутренних властей, в первую очередь у римских епископов. Теодорих, однако, являлся не вполне обычным варваром, поскольку провел свою юность (461–470) в Константинополе в качестве заложника, – это должно было обеспечить нужные действия его отца. Будущий правитель остготов получил хорошее образование и прекрасно усвоил традиции императорского двора.

Теодорих назвал себя королем готов – неримские правители, как правило, использовали термин *rex*, но он явно имел имперские амбиции. После прибытия в Равенну при поддержке императора Зенона (474–491) эти надежды были отражены в письмах, написанных его чиновником, ученым сенатором Кассиодором. Так, к примеру, императору Анастасию I (491–518) он написал: «Наша королевская власть есть имитация вашей, смоделированная по вашему образу и подобию, копия единственной империи, и, пока мы следуем за вами, мы превосходим все прочие нации».⁸

В части строительной активности, покровительства культуре поздней Античности и ношения пурпурных одежд он определенно следовал императорской практике. Но хотя правление Теодориха над римлянами и готами признавалось незаурядным его современниками и на Востоке, и на Западе, он так и не получил официального титула *augustus*.

В первой четверти VI в. Теодорих развернул масштабную программу строительства в Равенне, чтобы прославить арианскую веру готов собором, посвященным Христу (сегодня Сан-Аполлинаре-Нуово), арианским баптистерием и дворцом, украшенным в императорском стиле сценами из бегов на ипподроме. В своей церкви Теодорих заказал мозаики на темы из жизни Христа, его чудес, а также изображения самого себя, возглавлявшего отправление религиозных обрядов готами, своего дворца и портового города Классис. Таким образом, арианская теология, осужденная на I и II Вселенских соборах в Никее и Константинополе, но сохраненная готами и другими неримскими племенами, теперь была принесена в церковь, украшенную элегантными мозаиками. Подражая Галле Плацидии, Теодорих построил мавзолей для себя – он до сих пор стоит, привлекая внимание одним цельным каменным блоком, закрывающим могилу. Остготский правитель также строил дворцы, крепости, акведуки, бани и другие общественные здания, достойные императора.

Теодорих посетил Рим лишь один раз, в 500 г., когда пышно, как свойственно императору, праздновал 30-летие своего правления. Судя по всему, он начал вести отсчет соб-

⁸ Cassiodorus *Variae* 1.1.3 in *Theoderic in Italy*, tr. John Moorhead (Oxford, 1992). P. 44.

ственного прихода к власти с первой военной победы в 470 г., после смерти своего отца. После церемониального приветствия папы Симмаха, сената и народа Теодорих помолился в соборе Св. Петра, обратился к сенату, устроил цирковые игры и увеличил *annona*.⁹ Шесть месяцев он жил на Палатине в древнем императорском дворце, и обещал сохранить законы предыдущих императоров. Древнюю столицу властитель описал как центр образования и учености. По его утверждению, «все должны наслаждаться Римом, который есть плодovitая мать красноречия, обширный храм всех добродетелей, город, который не может называться чужим».¹⁰ Тем не менее следующие 25 лет своей жизни он провел в собственной столице – Равенне, где он управлял смешанным обществом из готов и римлян, про – и антиарианцев, с умением и терпимостью.

Это видно по многочисленным письмам, составленным Кассиодором, в которых отражена позиция Теодориха. В ответ на просьбу, к примеру, он ответил: «Я, кто думает о справедливости даже без настойчивых просьб, с радостью приветствую разумные петиции просителей. Ведь что может лучше, чем нерушимая справедливость, сохранить мое государство, защитить, как оружие?» А когда иудеи Генуи попросили разрешения восстановить древнюю синагогу, он ответил, что они могут отремонтировать здание, покрыть его новой крышей, но не расширять его: «Я даю разрешение, но я порицаю молитвы заблуждающихся людей... Мы не можем предписывать веры, ибо нельзя силой заставить человека верить». Таким образом Теодорих укреплял лояльность своих очень разных подданных.

В Равенне он чеканил монеты в имперском стиле и выпустил медальон со своим узнаваемым изображением. С помощью Кассиодора он обеспечивал эффективное управление – все записи выполнялись на папирусе. Он поручил этому ученому сенатору написать историю готов, что тот и сделал, – труд был объемом в 12 томов и частично сохранился в более поздней версии Иордана под названием «Гетика». Теодорих активизировал интеллектуальную жизнь города и покровительствовал ученым, таким как философ Боэций, которому предложили документально изложить, как построить солнечные и водяные часы, а также другие технические приборы. Около 524 г. Боэций был обвинен в измене, посажен в тюрьму, где написал свой знаменитый труд «Утешение философией», после чего философа казнили. Впоследствии Теодорих неоднократно сожалел об этом.

Остготский король сохранил свою преданность арианскому определению природы и статуса Христа, поддерживал неоарианских теологов в их противостоянии ортодоксии. Тем не менее две религии мирно сосуществовали. Под его покровительством появились великолепные манускрипты Евангелий в переводе на готский язык (выполнен Ульфиллой), они были написаны серебряными чернилами на пурпурном пергаменте. Если говорить о языке, праве и религиозных определениях, то сопоставление готского и римского начал показывает, что Равенна стала точкой встречи двух культур. Здесь неримские и римские верования и практики объединились – это было решающее достижение для будущей истории Запада. Процесс столкновения и аккультурации блестяще продемонстрирован в истории Равенны, которая привлекла и римские, и неримские группы и стала новой столицей Запада.

После смерти Теодориха в 526 г. его дочь Амаласунта стала регентом при своем маленьком сыне Аталарихе, который был объявлен королем в возрасте десяти лет. Она получила хорошее образование в римском стиле и симпатизировала Константинополю, что в конце концов стало причиной враждебности остготских придворных. Амаласунта оставалась регентом до 534 г., но после смерти сына она вынужденно вышла замуж за своего кузена Теодата, по приказу которого ее сначала изгнали, а потом задушили. Юстиниан решил, что

⁹ Годовая жатва хлеба у римлян. Часто так назывался хлеб, скупленный за государственный счет и сложенный в кладовых для раздачи во времена дороговизны беднейшим гражданам по низкой цене или совсем безвозмездно.

¹⁰ Cassiodorus *Variae*, tr. S. J. B. Barnish (Liverpool, 1992), V. 6 to the illustrious senator Symmachus. P. 75–76, II.27, to the Jews of Genoa. P. 34–35.

должен отомстить за ее смерть. Правители Константинополя утверждали, что их власть распространяется и на Италию, поэтому Юстиниан имел все основания отправить войска против Теодата – узурпатора трона. Император уже участвовал в кампании, имевшей целью восстановить римское правление в западных провинциях, захваченных племенами варваров. В 533 г. византийский генерал Велисарий, сделавший себе имя на восточном фронте в сражениях против Персии, одержал великую победу над вандалами в Африке. Далее Велисарий направился на Сицилию, а оттуда Юстиниан приказал ему выступить на север против готов, в то время как другой военачальник – Мунд – вторгся в Италию с севера. Столкнувшись с такими серьезными угрозами, готы покинули Теодата и выбрали другого лидера – Витига. Но он оказался не способен справиться с Велисарием, который в 540 г. вошел в Равенну, схватил Витига и восстановил прямое имперское правление. Подробности этой кампании изложены Прокопием в его повествовании «О войнах».

Поражение готов положило начало еще одному бурному всплеску строительства, по большей части организованному епископами Равенны с помощью богатого торговца серебром Юлиана, который до этого внес значительный вклад в постройку проарианской базилики Сант-Аполлинаре-ин-Класе. Он также выступил банкиром для церкви Сан-Витале, посвященной другому святому покровителю Равенны – мученику Виталию. Строительство было начато по инициативе епископа Экклесия еще при готах и завершилось при епископе Максимиане в 547 г. В этом восьмигранном сооружении мозаичные панели – портреты императора Юстиниана и его супруги Феодоры – на подходе к алтарю уравнивают более ранние портреты Теодориха и подтверждают возвращение Равенны к ортодоксии. Оба правителя изображены как приносящие дары святому, в сопровождении своих придворных.

Так изображения восточного императора и его супруги появились на стенах церкви в Равенне, хотя они оба никогда не были в Италии. Кто настоял на установке мозаичных панелей с их изображениями в Сан-Витале? Поскольку Юстиниан финансировал постройку и украшение церквей в самых разных частях империи, он вполне мог дать средства на завершение строительства и мозаику. Хотя, возможно, за это решение был ответственен торговец серебром Юлиан или епископ Максимиан. В любом случае панели уникальны – это единственное сохранившееся изображение византийских правителей VI в. в святилище у алтаря.

Портрет Феодоры вызвал много обсуждений. На нем она представлена в императорских одеждах, в пурпуре, который, как она заявляла, больше устраивал ее в качестве савана. На подоле изображены волхвы, приносящие дары младенцу Иисусу, на белой тунике – кайма золотая, красная и зеленая. На плечах – широкий жемчужный воротник, на голове корона, с которой на грудь свисают длинные жемчужные нити. В отличие от своих придворных дам, облаченных в яркие, бросающиеся в глаза одежды из шелка, красные туфли, ожерелья и головные уборы, у Феодоры скорее монументальный, чем человеческий вид. Некоторые историки искусств считают, что она приносит дар – большую чашу с монетами – к фонтану перед черным пространством, которое символизирует ее смерть. В любом случае эта серьезная императорская фигура передает высшую власть императрицы Феодоры, которая в молодости была цирковой артисткой. Она стоит перед своим супругом, изображенным в полном императорском облачении, в сопровождении епископа Максимиана, священнослужителей и стражников.

Ортодоксия продолжала процесс устранения из Равенны всех следов арианства. В 561 г. епископ Агнелл посвятил собор Теодориха, известный как «Золотые небеса», св. Мартину. Он заменил портрет правителя золотой мозаикой, изображавшей его самого и императора Юстиниана. Следы оригинальной арианской мозаики остались в дворцовой части – там отчетливо видны руки, которые когда-то были соединены с телами богов. В других местах сохранились изображения Теодориха, и они продолжают производить глубокое впечатление. Почти тремя веками позже церковный историк вознес хвалу мозаичному портрету

остготского правителя, стоящего между фигурами, олицетворяющими Рим и Равенну, который украшал дворец в Павии в 830-х гг. Он также записал, что Карл Великий переместил конную статую Теодориха (коня из бронзы, покрытого сверкающим золотом) в свой дворец Ахен, где и сегодня можно увидеть эту скульптуру.

Кампании Юстиниана на западе не только обеспечили устранение проарианских сил, но также вернули под контроль империи два больших региона Северной Африки и Италии. К концу VI в. Константинополь назначил двух чиновников, названных экзархами, имевших неограниченные полномочия, а также сочетавших гражданскую и военную власть, управлять из Карфагена и Равенны. Этот отход от римской традиции разделять армию и администрацию говорит о значении, придаваемом вновь покоренным территориям. В Африке экзарх контролировал богатый процветающий прибрежный регион, который продолжал экспортировать зерно и производить керамику. Африканские изделия из красной глины находят при раскопках на всем Средиземноморье. Из Равенны экзарх правил Северной Италией и территориями, расположенными к югу – до Рима, а провинциями юга Италии и Сицилии управляли другие чиновники, назначенные из Константинополя. Таким образом, превосходство Равенны было обеспечено, и почти два столетия она функционировала как византийская столица Запада, связующее звено между Константинополем и Италией. Равенна осталась главным портом на восточном побережье Италии, находившимся близко к устью реки По. Через нее импортировались редкие и ценные грузы, такие как папирус из Египта, и перераспределялись в места, расположенные дальше на север и запад. Равенна поддерживала регулярные контакты по морю с Константинополем и другими частями Восточного Средиземноморья, не только летом, но и зимой, когда большинство капитанов отказывались подвергаться риску морского путешествия. Равенна покровительствовала художественным ремеслам – там обучались будущие резчики по кости, мастера мозаики и другие специалисты.

Стремление Юстиниана восстановить римское правление в Западной империи было запечатлено в императорских мозаичных панелях, установленных в Сан-Витале. Но к концу VI в. варвары лангобарды (длинные бороды) начали завоевание Северной Италии и дали свое название региону – «Ломбардия», а также южной провинции – «Лангобардия». Обосновавшись в древних городах – Павия и Монца, они направили свои силы против Рима и Равенны. После многих попыток последний аванпост Византийской власти в Италии, защищавшийся экзархом, в 751 г. все же попал под власть лангобардов. Из Константинополя Константин V (741–775) не смог послать военное подкрепление в Рим, и папе Стефану II пришлось искать альтернативную военную защиту (см. гл. 10). Это было важным моментом в истории Европы, когда епископ Рима отказался от традиционной политики дипломатической лояльности Константинополю и совершил беспрецедентное путешествие через Альпы в Понтион, чтобы заключить союз с лидером франков Пипином. Франки согласились защитить Рим от лангобардов и возвратить в наследство св. Петра любую захваченную итальянскую территорию.

Таким образом, Пипин и папа Стефан создали новую ось, соединявшую Северную Европу с центром западного христианского мира, ту, что постепенно исключила Византию и обошла Равенну. Сын Пипина, Карл Великий, позже использовал город как свою административную базу в Северной Италии. Он также лишил его большого количества классических колонн и капителей – ради строительного материала для его новой столицы в Ахене, и, как мы уже упоминали, даже конной статуи Теодориха. Однако умами и душами франков и их преемников Каролингов владели Рим и реликвии св. Петра.

Равенна пришла в упадок, когда заилилась ее гавань в Классисе. В 830–846 гг. Агнелл Равеннский устраивал публичные чтения своей истории города отдельными частями, которые позднее были собраны в его «Книгу понтификов». Его повествование изобилует враж-

дой и кровавыми конфликтами, но вместе с тем автор зафиксировал надписи на памятниках и известных ему произведениях искусства, такие как золотая мозаичная надпись гекзаметром в банях, возведенных епископом Виктором, или стихи, написанные над «четырьмя реками рая» в Сан-Заккария. Он также рассказал несколько забавных легенд, например о том, как некий аббат чудесным образом переместился из Константинополя в Равенну, когда не было подходящего судна, а также описал торжественные моменты, при которых святые образы заменяли письменные гарантии. В одном случае партнеры в коммерческой ссуде привлекли в качестве свидетеля и гаранта икону Св. Андрея, в другом – когда священнослужители Равенны обвинили архиепископа Феодора в том, что он грабит богатства их церкви, – они сделали это в присутствии образов Св. Аполлинария.

К X в. Равенна стала в буквальном смысле захолустьем. Теперь она расположена в нескольких милях от побережья, хотя три поколения германских правителей – Оттоны I, II и III – знали о ее прошлой роли и посещали город. Ее торговля с Восточным Средиземноморьем и связи с Константинополем были унаследованы новой общиной в головной части Адриатического моря – Венецией. Обитатели венецианских островов, разбросанных по лагуне, серьезно занимались судостроением, войной на море и международной торговлей. Они установили отношения с Византией, о которых я расскажу в главе 19. К счастью, закат Равенны сохранил мозаики, глядя на которые можно вспоминать о былом великолепии, когда римляне, готы и византийцы правили Италией из Равенны – Константинополя Запада.

Глава 7

Римский закон

Мы все признаем закон, как всеобщий благодетель, спаситель, защитник наших жизней и так далее, потому что он искореняет порок и воспитывает добродетель и потому что он заставляет людей думать, что они должны почитать добродетель и наказывать преступников.

Фома Магистр. О долге царя, конец XIII в.

Использование написанного закона было фундаментальным для Византии на протяжении всей ее долгой истории, и обычные граждане использовали суды, чтобы закрепить обязательство, законное решение проблем наследования, собственности и семейных ссор. Византийский закон развился на основе римской правовой системы, которая считается одним из величайших вкладов Рима в мировую цивилизацию. Ее усовершенствовали юристы между V в. до н. э. и I в. Инновация этой системы – создание общих судов и наделение обученных судей полномочиями председательствовать в них. Эти чиновники могли вызвать в суд, выслушать случай и принять вердикт с возможностью апелляции. Тот же самый процесс до сих пор используется во всех странах, живущих по гражданскому праву. Римские традиции также привнесли в Восточное Средиземноморье новый акцент на письменные законы, которые могли иметь разные формы: эдикты судей, решения римского сената и императорские декреты (законы). Эти разные сборники права использовались в судах, которые были в каждом крупном городе и столицах провинций.

Закон также порождался обращениями к императору, к примеру, об освобождении от уплаты налогов после плохого урожая. Города и провинции использовали для подобных миссий своих лучших ораторов. В результате нередко появлялись новые законы, которые добавлялись к императорским декретам. К середине II в. император считался исключительным творцом права, однако комментарии пяти ранних римских юристов – Эмилия Папиниана, Юлия Павла, Гая, Домиция Ульпиана и Модеста – признавали особенно важными для трактовки законов прошлого. Чтобы обеспечить правильное использование разных собраний законов на латыни, их трактовку и применение, нужны были опытные эксперты. Отсюда развитие юридических школ и появление особого класса юристов, имевших практический опыт, – *scholastikoi*. Владение риторикой являлось неотъемлемой чертой участия в судопроизводстве. В период поздней Античности самыми известными центрами правового обучения стали Рим, Александрия, Афины, Константинополь и Берит (Бейрут).

Как уже говорилось ранее, Феодосий II в 425 г. создал в столице финансируемую государством правовую школу. Он признавал, что трудно использовать законы, которые явно противоречили друг другу, и декреты, поощрявшие разные трактовки одного и того же вопроса. Поэтому в 429 г. Феодосий приказал экспертам-правоведам составить книгу законов для Римской империи, отредактировав и реформировав все имперские высшие юридические нормы, увидевшие свет со времен Константина. Более ранние подобные сборники делались неоднократно и вошли в историю под именами своих авторов, этот же стал первым официальным кодексом. Кодекс Феодосия был представлен чиновникам империи в Константинополе в ноябре 437 г. и вступил в силу в первый день следующего, нового года. После этого копии свода законов отправили в старый Рим сенаторам, которые занялись его распространением. Кодекс содержал более 2500 отредактированных правовых текстов, увидевших свет в 313–437 гг., включая законы, касающиеся христианства, в заключительной части. Противоречия между разными законами и путаницу устранили и создали упрощенную систему.

Кодекс должен был применяться в обеих половинах империи и изучаться в правовых школах, теперь сконцентрированных на Востоке.

Много лет римская колония Берит, город на побережье Ливана, отличалась в преподавании права (до разрушения города землетрясением 550–551 гг.). В «Жизнеописании Севера» (который позднее стал монофизитом – патриархом Антиохии, 512–518) сохранился рассказ о пяти годах обучения в Берите, в который включен анализ некоторых комментариев. Но автор – Захария, который тоже стал юристом, больше внимания уделяет попыткам студентов-христиан выкорчевать магические практики, призывавшие древних богов, дуалистические трактовки мира, развитые последователями пророка III в. Мани, и другие незаконные верования.

Спустя почти век после публикации *Codex Theodosianus* к власти пришел Юстиниан и сразу приступил к реформированию права. В 528 г. он создал комиссию из 10 опытных юристов под руководством квестора Трибониана, чтобы разобраться во всех имперских законах, имевших практическую ценность. Комиссия должна была навести порядок и адаптировать положения законов к условиям VI в. Результатом стал появившийся в 529 г. *Codex Constitutionum*, а все имперские законы, в него не вошедшие, аннулировали. Эта упрощенная коллекция не сохранилась, но ее тезисы были сформулированы в *Corpus Iuris Civilis* – своде гражданского права, который образует основу европейского права, имеющего силу и сегодня. На второй стадии правовой реформы, которая имела место в 530–534 г., Юстиниан назначил 16 юристов, чтобы они систематизировали комментарии многочисленных правоведов – нагромождение противоречивых мнений. Результатом их работы стало 50 книг одобренных текстов, названных *Digest (Pandects)* – Дигесты, обнародованные в 533 г., а все прочие комментарии утратили силу. Одновременно элементы римского права для изучения студентами были опубликованы под названием Институции. Юстиниан продолжал издавать новые законы, называя их Новеллами, чтобы отличить от старых. Кодекс гражданского права 534 г. состоял из четырех частей: старые законы в пересмотренном издании из 12 книг, называемый Кодекс Юстиниана, Дигесты, Институции и Новеллы. К нему другие императоры добавляли собственные юридические нормы. Они оставались в силе в Византии до падения империи и перехода власти к османским туркам, то есть 900 лет.

Однако в Западной Римской империи кодификация Юстиниана была распространена несравненно меньше, чем Кодекс Феодосия, который оказал влияние и на местное право, и на варварские кодексы, использовавшиеся в вестготской Испании, Франкском государстве, Бургундии и лангобардской Италии. Знание *Corpus Iuris Civilis* было практически утрачено в начале VII – конце XI в., когда была обнаружена копия Дигест, «красивая, как звезда». Она, вероятно, была сделана в VI в. и находилась в Южной Италии, где провинции, управлявшиеся из Константинополя, продолжали использовать римское право. Со временем был идентифицирован текст Институций, и преподаватели в Равенне, Павии и Болонье начали писать комментарии и всевозможные труды по праву. К середине XII в. собрание канонического права Грациана – *Decretum*, – относящееся примерно к 1130–1140 гг., и привилегии Фридриха I Барбароссы для школ (1158) в Болонье стимулировали и расширили знания древних источников обоих типов права. Независимо от того, влияла ли византийская правовая кодификация на отношения между церковью и государством на Западе или нет, каноническое право имело выраженную тенденцию подчеркивать папский авторитет, а гражданское – использовалось западными императорами для укрепления своей власти.

Римское право отличает его внимание к личностям, свободным и рабам, к их отношениям при вступлении в брак и при разводе; к праву собственности; правонарушениям и контрактам, а также к наследованию. Все это регулировалось процессуальным правом, которое устанавливало справедливое рассмотрение компетентным судьей и гражданских, и уголовных дел. Кроме того, к VI в. уже существовал постоянно разрастающийся свод церков-

ных правил: каноны, установленные Вселенскими соборами, провинциальными синодами, а также возникшие в результате жалоб патриархам. И в Константинополе, и в Антиохии к 580 г. имелись собрания этих материалов. Их называли «номоканами», то есть они являлись смесью канонов: *nomos* – гражданского права, и *kanon* – церковного. Самый важный из этих сборников – «Номоканон четырнадцати титулов», – вероятно, был составлен при Ираклии (640–641), на основе труда патриархов VI в.

Аналогичный процесс имел место на Западе, когда папа Гормизд (514–523) нанял Дионисия по прозвищу Малый (*exiguus*), чтобы сделать латинский перевод самых важных греческих канонов. Он включил в перечень первые 50 из Апостольских постановлений (не оставшиеся 35, признаваемые на Западе), каноны Вселенских и других соборов и решения из 38 папских писем, датированных 384–498 гг., известные как «Декреталии». Таким образом, два собрания имели идентичный соборный материал, но там, где восточные сборники включали правила св. Василия и законы Юстиниана, Дионисий поместил папские решения, которые возвысил до канонического статуса. Этот дополнительный материал явился основой последующих разногласий между западной и восточной церковью.

В противоположность Кодексу Феодосия, 12 книг законов Юстиниана особо рассматривали вопросы христианской веры и решения, влиявшие на церковные, социальные и экономические проблемы VI в. Некоторые из последующих *Новелл* Юстиниана расширяли христианские нормы поведения, к примеру подчеркивая необходимость защиты женщин, давших обет сохранения девственности. Гражданское и церковное право постепенно были гармонизированы, образовав двойную систему правового регулирования, которая адаптировала римские принципы к потребностям христианской империи Византии. После закрытия Академии Платона в Афинах (529) и сильного землетрясения 550–551 гг., уничтожившего Берит, Александрия в Египте стала единственным центром правового и философского образования за пределами столицы. Ее преподаватели обучали христианизированной версии философии Аристотеля, считавшейся менее опасной, чем неоплатоническое обучение в Афинах. После арабских завоеваний VII в., однако, все правовое и философское образование сконцентрировалось в Константинополе.

При использовании Институции как основы правового обучения студенты овладевали профессией юриста за пять лет, и если по окончании курса соответствовали требованиям своих учителей, то допускались в одну из двух групп профессиональных юристов: адвокатов (*synegoroi* или *scholastikoi*) и нотариусов (*taboularioi*). Термин *scholastikoi* использовался многими авторами до VII в., после чего его сменил термин *krites* – судья. Этот титул использовался квестором, епархом (префектом или губернатором) Константинополя, ответственным за прошения, *epi ton deeseon* – должность, созданная в VII в. Епарх возглавлял судебную власть в городе, контролировал стражников и тюрьмы и также отвечал за церемониальную, торговую и промышленную жизнь столицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.